

ИМПЕРСКИЙ ХРАНИТЕЛЬ

◆ ДМИТРИЙ РА ◆
ТОМ 4

Хранитель Порядка

Дмитрий Ра

Имперский Хранитель. Том 4

«Дмитрий Ра»

2026

Ра Д.

Имперский Хранитель. Том 4 / Д. Ра — «Дмитрий Ра»,
2026 — (Хранитель Порядка)

Как решить любую проблему? Берёшь проблему и выбиваешь ей зубы – нет проблем. Так было раньше. Теперь я в цивилизованном мире аристократии, где власть решают не кулаки, а грязные панталоны в шкафу. Ну или скелеты, на костях которых обязательно нужно станцевать. Моя новая сила позволяет видеть то, что другие предпочли бы унести в могилу. И даже я – Хранитель Сердца Мира – не был готов к тому, чьи именно тайны мне предстоит раскрыть.

© Ра Д., 2026

© Дмитрий Ра, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Ра

Имперский Хранитель. Том 4

Глава 1

Просёлочная дорога, кажется, ведёт в никуда. Пол седьмого утра, значит, я иду уже час, с момента, как очнулся в лесу после портала Павла. Две глубокие колеи с водой, трава по колено – машины здесь явно редкое явление.

Машинально хлопаю по карманам – паспорт, лицензия, флешка с компроматом на Императора, деньги, телефон – всё на месте. Проверяю связь – то появляется, то пропадает, но толку всё равно мало – Гром не берёт, Лена молчит, Петров в неабонентах, Ирина – тоже тишина. А где они все теперь – понятия не имею.

Где-то совсем близко в деревьях ухает сова – типа проверяет, я в норме или уже дышу через раз.

– Не дождёшься, – отвечаю ей, прибавляя шаг.

На востоке небо более серое, и это не рассвет. Город или крупный посёлок. Туда и топаю.

Лес прерывается, и какое-то время иду по открытой местности. Ничего не случается ровно до момента, когда деревья снова смыкаются с обеих сторон.

Шаги, недалеко сзади. Никого не вижу, но уже слышу, что их трое. Идут с той же скоростью, не ускоряются, но и не отстают. Я не оборачиваюсь, зачем показывать, что заметил.

Меня догоняют их нити – три пучка серых нитей, и по ним могу уже кое-что сказать об их хозяевах – хотя бы то, что они насторожены, но при том не агрессивны – красных нитей среди них нет. Что ж, тогда смысл в догонялки играть, можно и пообщаться.

Намеренно, но как будто случайно, сбавляю шаг, давая им себя нагнать.

Останавливаюсь, разворачиваюсь – ну надо же, иномирцы! Краг, сильвер и скиталец.

Поднимаю пустые ладони, уже предчувствуя, что сейчас могут начаться трудности с коммуникацией со всеми вытекающими.

– Давайте по-быстрому, – говорю им, подкрепляя слова жестами. – Я не враг, я друг. Я не из УНМА, и император мне тоже не нравится.

Трое переглядываются, явно не понимают, стоят и тупо дальше смотрят на меня.

– Свои, – говорю медленно. – Не враги.

Иномирцы не понимают. Сильвер делает шаг вперёд, замечаю в его руке что-то вроде металлического серпа.

– Император – враг. Я – нет. УНМА – враги. Я – нет.

Краг издаёт короткий горловой звук. Сильвер замахивается.

Атакует быстро, но я ещё быстрее ухожу в сторону – серп свистит у виска. Беру во внимание одну из нитей сильвера, серебристый жгут координации, хватаю пальцами как струну и рву.

Сильвер замирает на секунду, одни глаза моргают. Дезориентация. Этого ненадолго, но мне хватает – выставляю «Сферу». Купол распахивается в упор, сбивает сильвера с ног. Он откатывается по траве, серп летит в сторону и с глухим стуком втыкается в землю.

Краг не ждёт. Бросается – медленно, грузно, но если доберётся – раздавит. Барьер моей «Сферы» встаёт между нами за мгновение до удара. Краг врзается в него, отскакивает, мотает башкой. Он трогает «Сферу» пальцем, будто боится обжечься, убирает руку, трогает снова. На лице появляется такое удивлённое выражение, что я чуть не смеюсь.

Сильвер поднимается, отряхивается. Серебристая свечение на загривке, как шерсть, стоит дыбом, но нити агрессии уже гаснут, сменяются оранжевыми нитями любопытства.

– Ну чё, продолжим? – Я окидываю их взглядом. – У меня ещё парочка фокусов в рукаве. Уверен, они вам понравятся.

Скиталец стоит и смотрит. Потом складывает пальцы в замок, показывает на свою грудь, потом на меня, потом опять на замок.

– Мир? – догадываюсь я. – Союз?

Тот кивает в ответ.

Делаю жест «только после вас» – рука в сторону, лёгкий кивок и взмах кистью. Мол, ведите, где вы там обитаете.

Скиталец говорит что-то своим. Сильвер фыркает – недоволен, но подчиняется. Краг пожимает одним плечом – типа, ладно, пошли.

Идём. Они впереди, я сзади, держу дистанцию в пять-шесть шагов. Лес густеет. Через полчаса тропинка становится совсем хорошо утоптанной, ветки обломаны на высоте пояса.

А потом я слышу странный звук. Сначала кажется, что это ветер завыл в дупле, но нет. В этом звуке будто бы различимы слова. Женский голос, слабый, как если бы шёл из-под земли.

– Стой, – говорю я, поднимая руку ладонью вперёд.

Иномирцы останавливаются, оглядываются на меня. Я указываю на деревья, все трое одновременно как по команде всматриваются в темноту.

– Помогите Пожалуйста Кто-нибудь

Проходим несколько метров через гущу деревьев и оказываемся на поляне. В середине – толстый дуб, метров пять в обхвате, кора ободрана, ствол треснут.

– Есть тут кто? – голос идёт прямо из дупла. Что за хрень? Это тоже Павел говорящих деревьев тут наколдовал? Этот может Летящую живую котлету никогда не забуду.

Заглядываю в щель. Ага, хрен там, темень лютая. Но чтобы видеть нити, свет мне не нужен. И я их вижу – тянутся из дупла наружу, как щупальца, ползают вокруг, будто ищут, за что ухватиться. Нити разной толщины и разных цветов, но именно это их сочетание мне очень и очень знакомо.

– Ирина? – зову тихо.

– Артём? – голос дрожит, срывается. – Это правда ты?

– А кто же ещё. Сиди не дёргайся.

Стучу по дереву – ну да, полое, ясно и по звуку. Портал Павла закинул её прямо внутрь, и она теперь не может выбраться. Чтёб тебя, Павел. А Ирина в лице меня сейчас словила «рояль». Ведь, что, если бы я тут не проходил мимо?

Отхожу, киваю крагу. Тот подходит, оглядывает дерево, вздыхает – тяжело так, будто его попросили мебель передвинуть в выходной. Кладёт ладони на трещину. Каменные плечи начинают светиться тусклым коричневым. Кора трещит, сжимается, потом резко расходится в стороны. Ствол раскрывается, как пасть.

Ирина сидит внутри, обхватив колени. Волосы в трухе, лицо в слезах и пыли, одежда перепачкана, местами порвана, щека в бурых пятнах синяков. Выглядит в целом так, будто её дерево жевало и теперь выплюнуло.

Подаю руку. Она хватается, вылезает, шатается и повисает на мне. Дышит часто, мелко, потом чихает – громко, от души, прямо мне в плечо. И ещё раз, на сей раз – целой серией.

– Жива, – говорю я. – Вот что значит моя школа.

– Жива, – выдыхает и отстраняется, вытирает лицо рукавом. – Я там уже часа два! Темно, воняет чем-то гнилым и грибами прямо несёт!

– Это дуб, – уточняю. – Не просто дерево, а дуб.

– Какая разница!

Она смотрит на сильвера, крага, скитальца, потом переводит взгляд на меня.

– Это твои новые друзья?

– Пока не нападают – уже хорошо. А ещё лучше, что ты здесь, – киваю на иномирцев.
– Объясни им, что мы не враги.

Ирина поворачивается к эфириумцам. Начинает говорить – медленно, по слогам, помогая жестами. Ладонь к груди, взгляд вверх, круговое движение. Потом показывает на меня пальцем – большой палец вверх. Потом обводит всех троих – соединяет руки.

Сильвер кивает, краг машет рукой. Как она это делает? Почему-то когда им пытался объяснять я, до них так шустро не доходило

– Ты им что сказала? – интересуюсь.

– Показала, что мы не враги. – Ирина трёт виски. – Эмоции – универсальный язык. Голова только раскалывается. И есть хочется зверски.

– Потерпи, решим вопрос.

Лагерь иномирцев оказывается бывшей туристической базой. Несколько домиков из бруса, кострище посередине, ветхий сарай. На беглый взгляд, пятьдесят–шестьдесят особей тут обосновались. Вперемешку сильверы, краги, скитальцы. Есть, судя по их виду, уже пожившие, есть молодые. Есть даже один детёныш сильвера – сам ростом с кошку, а его металлический блеск более тусклый, нежели у взрослых.

При нашем появлении все замирают и недоверчиво пялятся. Некоторые хватается за копья. Туземцы, елки-палки.

Скиталец поднимает руку, говорит коротко – объясняет. Сильвер и краг кивают, подтверждают.

Из толпы выходит другой скиталец – старше, морщинистый, одет в человеческую куртку с логотипом «Адидас», из-под которой видна его серая кожа. Останавливается напротив, разглядывает меня долго, не моргая. Потом протягивает мне какой-то камушек на верёвке и жестом предлагает одеть на шею. У него, к слову, на груди висит такой же. Я надеваю, и скиталец вдруг начинает говорить – по-русски, с акцентом, но чисто:

– Ты. Человек. Артём.

– Да, – отвечаю с некоторым удивлением.

– Мы встречались. Эфириум. Новиковы. Вода.

Всматриваюсь – и наверное, узнаю, хотя все они похожи, блин. Тот самый скиталец-торговец, с которым я налаживал обмен между Новиковыми и их народом. Артефакты в обмен на установки для воды. Я тогда их посредником. Ну что ж, так даже лучше. Хоть и не друзья, но считай свои.

– А я думал, ты остался в Эфириуме.

– Не остался. – Он кашляет, хрипит. – Воду пить надо каждый день.

Только сейчас понимаю, что слышу разборчиво их всех. И что камень у меня на груди нагрелся. Вот, что это. Артефакт-переводчик.

– Слушай, – говорю я, – где ж ты раньше был с этим камушком? Ирине бы отпуск как переводчику давно не помешал, а то она всё жестами с вами, как глухонемая.

Краг слева бормочет себе под нос: «Проверить бы его, мало ли шпион»

Сильвер из толпы отвечает ему: «Скиталец сказал – свой. Скитальцам верю».

У костра молодой сильвер жалуется соседу: «Опять каша из этой дряни. Когда уже нормальной еды дадут?»

Краг постарше рявкает на него: «Жрать будешь, что дают. Не дома».

Киваю на камень:

– Откуда такая штука?

Он вздыхает:

– Выторговал. Давно. У людей в вашем мире.

– У каких людей? – удивляюсь уже второй раз за это короткое время, но естественно вида стараюсь не подавать.

Скиталец пожимает плечами.

– Важных. С гербами. Давно это было, до тебя. Я думал, вы все такие – с такими камнями.

А потом понял – нет. Не у многих есть.

– Значит, это они вам продали переводчик?

– Обменяли, – он морщится, будто вспоминает. – На артефакты. Те люди знали, что им нужно. И знали, как с нами говорить.

– И кто это был?

– Не помню. Давно. Ваши люди все на одно лицо.

Принимаю к сведению. Значит, я ни хрена первый. Кто-то до меня уже торговал с иномирцами, имел такие артефакты, и даже продавал их в Эфириум. Новости, конечно. Выясню, что за хитрецы промышляли. Может, у них ещё и карта лояльности была, со скидкой на пятый артефакт?

– Как торговля? – интересуюсь, кивая на его куртку. – «Адидас» в лесу – это стиль, но на воду не похоже.

Старый скиталец хлопает себя по груди:

– Торговля не идёт. Камни меняем на грибы. Роскошно живём.

– Камни на грибы? – переспрашивает Ирина. – Это такой бартер?

– А что делать? – скиталец разводит руками. – Сами мы далеко не ходим – патрули шастают. А грибники есть постоянные, которые сперва побаивались, потом привыкли. Мы им камни даём, артефактные. А они нам – грибы и продукты из города. Только камни кончаются, и грибы тоже не бесконечные.

– То есть вы тут грибной бизнес открыли? А вычеты с продаж платите?

Смеюсь – громко, от души. Иномирцы рядом вздрагивают и шарахаются в стороны. Ирина тоже улыбается.

Он не понимает иронии, смотрит серьёзно:

– Камни кончаются. Грибы тоже, но их больше. Неравноценно.

– Наладим вам продовольственную линию, – обещаю. – Позже.

Старый скиталец внимательно смотрит на меня:

– Ты зачем пришёл, Артём? Войну принёс?

– Войну до меня принесли. Причём, если ты не забыл, то из вашего же Эфириума. А теперь и у нас Император Алексей и его прихвостень Белов – не Император и Белов, а четвёртая раса. Вы сами от них сбежали к нам через разломы. Поэтому, нужно шевелиться. Когда-нибудь они доберутся и сюда.

Лагерь затихает. Даже костры как будто трещат тише.

– И что предлагаешь? – спрашивает самый крупный, метра под два ростом и в ширину как три меня, краг. А голос, будто камни скрежещут.

– В Москве уже есть своя сеть. Осведомители среди аристократов, пара союзников в городских службах, люди, готовые спрятать или передать информацию. Я строил это не один день. Теперь надо расширять. Связывать разрозненные звенья в единую цепь. У меня есть связи среди аристократов, есть люди, есть доказательства, что Император – не человек. Мы ударим изнутри – информацией, саботажем, переговорами. А когда режим начнёт трещать по швам – я лично порву всех, кто встанет на пути. И вы поможете.

Молодой сильвер – тот, которого я завалил в лесу – выступает вперёд:

– Мы пойдём сами. Ударим сейчас. Пока они не ждут.

– В Москву? Через патрули УНМА? – старший краг скрежещет зубами. – Вы ума лишились.

– Этот человек сказал – надо бить!

– Этот человек сказал – ждать и готовить план. – Старый скиталец поднимает посох. – Ты глухой, щенок?

Спор разгорается. Молодые хотят подвига, старшие явно хотят покоя. Скитальцы молчат, наблюдают.

Поднимаю руку. Гул стихает.

– Мы не штурмуем Кремль с голой задницей. Сначала – разведка, сбор команды, восстановление связи с моими людьми. Потом – удар.

– А если они нападут первыми? – подаёт голос молодой краг с рыжими прожилками на рёбрах.

– Тогда будем отбиваться. – Пожимаю плечами. – Пока вы сильнее здесь, на так называемых ваших территориях. Вы знаете каждую тропу. Пусть сунутся.

Старший краг кивает. Молодёжь, поняв, что их пыл здесь не вполне поддерживают, неохотно расходится, оглядываясь на меня.

Остаток дня мы с Ириной проводим в лагере. Помогаем сортировать камни – серебряры объясняют, какие на что годятся, я запоминаю. Краги таскают брёвна для новых навесов, я подтаскиваю то, что полегче, иномирцы удивлённо косятся – человек с голыми руками, а не хнычет. Выясняю, что неподалёку есть город, иномирцы не знают, как его правильно назвать, но судя по их жестам и попыткам объяснить, что-то связанное с воскрешением. Ирина возится с детёнышем серебряры – тот никак не может понять, как чистить чешую от лесной грязи, она терпеливо показывает. К вечеру нас уже не чураются, даже улыбаются. Тот молодой серебряры с серпом подходит, молча кивает – видимо, извинение. Я киваю в ответ.

К ночи заходим в свободный домик – третий от края, если брать более-менее целые. Дверь на петлях, в окне стекло, крыша не течёт. Внутри пахнет сырой древесиной и плесенью, но пол сухой. Две комнаты: побольше, с нарами, и поменьше, с узкой железной кроватью.

– Здесь будем. Ты в маленькой.

Она смотрит на большую комнату, потом на меня. Пауза затягивается.

– Удобнее вместе, – Ирина говорит это будто бы небрежно, но в голосе слышатся как бы сказать уютные нотки. – Теплее. И безопаснее.

– Это верно, врозь теплее не будет, зато спать будем спокойнее. Я храплю и ногами дрыгаю.

Ирина кривит губы в натянутой усмешке:

– Как скажешь, командир.

– Вот и договорились.

Ирина задерживается в дверях:

– Ты правда думаешь, что мы их найдём? Грома, Лену, Петрова?

– Уверен, – отвечаю. – Они свои. Такие не теряются.

Она вздыхает и переходит в маленькую комнату, бросает на кровать свою куртку. Обращивается, явно хочет что-то сказать. Но в последний момент передумывает, лишь тихо произносит:

– Спокойной ночи, Артём.

– Спокойной ночи, – отвечаю я.

Ложусь на нары, не раздеваясь. Холод чувствую даже сквозь одежду, но усталость берёт своё. Пытаюсь набрать Лену – «абонент не доступен». Грома – тишина. Петрова – молчание. Убираю телефон, который к тому же сейчас разрядится.

В два часа ночи меня будит шум.

Вскакиваю – Ирина уже на ногах, указывает на входную дверь.

– Снаружи, – шепчет.

Хватаю нож, вылетаю на улицу.

На поляне переполох. Серебряры бегут к воротам, краги хватают дубины.

Трое молодых сильверов – те самые, которые рвались в Москву, возвращаются откуда-то снаружи – двое ведут третьего. У того плечо разорвано от шеи до локтя, кожа, или что там у них, вмята внутрь, сочится чёрная маслянистая жидкость.

– Патруль, – выдыхает один. – Пост за лесом. Наткнулись. Еле ушли.

Раненого кладут на землю. Сильверша-целительница подходит к раненому, проводит руками над плечом. Серебристое свечение окутывает рану, чёрная жидкость перестаёт сочиться. Своя медицина, и, блин, работает!

Старший краг рычит:

– Сидеть сказано было! Не слушаете.

– Мы тихо шли, – оправдывается сильвер, но я слышу за этим оправданием одно только желание не выглядеть конченным дураком.

Тут иномирцы замирают и оборачиваются к лесу.

Старый скиталец шепчет – через артефакт перевода я слышу его чётко:

– Хвост могли привести

Ждём. Всматриваюсь в нити – посторонних нет.

Потом шорох, где-то слева, где кусты гуще.

Краг поднимает дубину. Сильверы шуряются в темноту, глазищи красные как лазерные прицелы.

Шорох приближается. Я продвигаюсь вперёд, навстречу шуму, остальным подаю знак – всем замереть. Старый скиталец из своего домика выглядывает, замирает на пороге.

Держу «Сферу» наготове.

Шорох слышен уже в десяти метрах, теперь уже ветки хрустят. Кто-то шумно выдыхает.

Ветки раздвигаются.

Глава 2

Просыпаюсь от запаха жареного мяса – ту самую косулю, что переполошила ночью лагерь, всё же пустили в дело. Над костром вертится тушка, рядом в котле булькает похлёбка. Пахнет аппетитно.

Старый скиталец машет посохом:

– Есть будешь?

– Не пропадать же добру.

Протягивает миску – деревянную, шершавую. Набираю ложку. На вкус – лес, дымок, горечь. Пережгли, но с голодухи сойдёт. И соль есть – уже почти нормально.

Ирина садится рядом на бревно, кутается в куртку. Вид у неё сонный, под глазами круги.

– И что, совсем никого не нашёл из наших? – спрашивает она.

– Никого, – отвечаю, доставая телефон в надежде увидеть пропущенные звонки, но их нет. – Ты пробовала?

– А чем, по-твоему, я два часа в дереве занималась? – Она набирает несколько номеров – везде тишина или «недоступен». – Даже странно. Как будто все провалились сквозь землю.

– Или портал разбросал их по таким углам, где связи нет, – пожимаю плечами. – Найдём. Как только закончим дела здесь.

Она кивает, вытирает руки о джинсы.

– Ладно. Гром не даст пропасть.

– Все верно. И мы не дадим никому пропасть, включая Грома.

Доедаю, встаю. Пора бы и себе уделить немного времени. Нахожу ровную площадку между домиками, стягиваю куртку, разминаю шею и плечи. Отжимаюсь. Сорок раз. Потом с выпрыгиванием. Потом растяжка на все группы мышц. Земля холодная и мокрая, но в целом пофиг.

– Ты серьёзно? – Ирина наблюдает за мной с пристальностью тренера.

– А что, здесь есть тренажёрный зал?

После физухи – магия. Давно пора потренировать приём, который я за всё своё время в этом мире и в этом теле тренировал, наверное, от силы пару раз, в отличие от разрыва нитей или подмены договора. Самый сложный и слабо освоенный мой приём – «Создание договора» – формирование временной связи между двумя сознаниями там, где её нет. «Подмена» работает только с тем, что уже есть: искажает существующие связи, меняет их условия. А если связи нет – даже нейтральной, если существа просто не замечают друг друга – подменять нечего. Приходится лепить с нуля.

А на ком тренироваться, как не на местных добровольцах?

Выбираю молодого серебря, который начищает свои серебристые пластины какой-то травой, и крага постарше, увлечённо перекладывающего камни из одной кучи в другую. Между ними – пустота. Не вражда, не безразличие, а именно отсутствие всякой связи: они не обращают друг на друга внимания, нити их сознаний вообще не пересекаются. Пытаюсь сплести золотистую нить – хотя бы простого контакта, чтобы они заметили существование друг друга.

Сжимаю волю, эфир вокруг сгущается. Тяну из себя, из остаточных эмоций вокруг. В висках давит. С третьей попытки нить наконец ложится.

И тут происходит странное.

Сильвер перестаёт тереть свою пластину, краг замирает с камнем в руке. Они одновременно поворачивают головы друг к другу. Потом, не сговариваясь, встают, подходят и начинают помогать. Краг берёт траву из рук серебря и неуклюже трёт ему спину. Сильвер, в свою очередь, осторожно перекладывает камни крага в более ровную кучу. Кидают друг на друга короткие взгляды, полные недоумения, но руки продолжают двигаться.

Я едва сдерживаю смех. Ирина уже прыскает на крыльце, закрывая рот ладонью. Даже скиталец, сидящий у костра, поворачивается и долго смотрит на эту странную парочку.

Потом нить рвётся. Краг резко отбрасывает траву, будто обжёгся, и отступает на шаг. Сильвер недоумённо смотрит на свои руки, потом на крага – в его взгляде смесь удивления и лёгкого испуга. Краг что-то рычит и уходит в сторону, делая вид, что ничего не случилось.

Эксперимент удался? В каком-то смысле да. Не для боя, конечно – на создание такого договора уходит слишком много сил. Но если когда-нибудь понадобится быстро объединить абсолютно чужих людей или заставить толпу действовать согласованно запасной вариант есть. Правда, судя по всему, они будут не атаковать врага, а перекладывать камни и тереть друг другу спины. Тоже полезно, наверное.

Только тренировать нужно чаще, а мне в моём ритме это всё сложнее. И желательно, чтобы подопытные потом не пытались меня убить за причинённую неловкость.

Какой-то Краг, оказывается, всё это время стоял неподалёку и наблюдал за всей этой историей.

– Человек, ты чего? – он разводит руками.

– Разминаюсь, – отвечаю коротко.

– Странный разминка, – говорит он, уходя далее по своим делам, бормочет под нос:

– И такие хотят армии за собой водить

Ладно, тренировок пока хватит. Пора за дело.

– Я в город, – сообщаю Ирине. – За продуктами, зарядкой и информацией. Ты идёшь со мной.

Она поднимает бровь, открывает рот, закрывает, я поясняю:

– Будешь моими глазами и ушами, понадобится твой дар. А кроме того, – добавляю, отдавая пустую миску скитальцу. – Я не могу тащить всё один. Продукты тяжёлые, руки нужны.

Она усмехается, но спорить не пытается.

Старый скиталец подходит, протягивает мешочек из грубой ткани:

– Можешь выменять нам на батарейки? И спички. И соль. И поесть бы прикупил. Камни вот...

Беру мешочек, заглядываю внутрь – несколько артефактных камней, мелких, с тусклым свечением.

– Батарейки какие?

– Круглые, пальчиковые. – Он мнёт край своей куртки «Адидас». – Для фонариков.

– Сделаю. И скажите своим, чтобы без глупостей. Если снаружи узнают, где ваша база, винить будете себя.

Скиталец кивает и уходит, постукивая посохом. Ирина смотрит ему вслед:

– А он ничего так держится для иномирца. Прямо совсем как местный.

– Он торговец, – замечаю. – Торговцы всегда найдут общий язык с любым, хоть с человеком, хоть с крагом.

Выходим из лагеря через час. Идём по лесу, ветки цепляются за куртку, мох чавкает под ногами, сверху пересвистываются птицы, ещё не перебитые племенем.

Ещё час хода, и я начинаю сначала слышать, а затем и видеть вдалеке трассу с ползущими по ней машинами. Пересекаем поле, выходим к дороге, далее идём по обочине. Проходим мимо «Газели» с надписью «Хлеб», привставшей по ходу нашего движения, водитель, мужик с усами, курит, глядя в телефон.

– Впереди патруль, там ближе к повороту на Воскресенск, – предупреждает он, окинув нас взглядом, и тут же снова забывает про нас.

– Спасибо, друг, – отвечаю ему, не останавливаясь. Так вот, что там за город, связанный с воскрешением. Не бывал там ещё.

– Ты уверен, что нас не остановят? – Ирина догоняет меня, и идёт вровень.

– Если ты не потеряла свой паспорт и лицензию, то пусть останавливают. – нащупываю в кармане свои документы

– Ах, да. Кто ты там у нас? Связев Дмитрий Петрович, аналитик социальных связей третьего уровня, – хлопает она меня плечу, но спешно проверяет в куртке свой комплект.

За поворотом, сразу после указателя «Воскресенск», что-то вроде импровизированного блокпоста.

Стоят двое в форме УНМА, третий в штатском, с амулетом на шее. Маг. Щуплый, с бледным лицом и колючим взглядом. Стоят у «Нивы» с потухшей мигалкой, курят, перекидываются редкими фразами.

– Стоять. Документы, – командует один, не поднимая головы от планшета. Сам молодой, с прыщавым лицом, и голос не командный скорее, а скучающий.

Протягиваю паспорт, сам смотрю «Чтением связей» – нити патрульных – это нити их лени, как у людей, которые делают одно и то же уже сотый раз. У мага – бледно-жёлтая нить, концентрация. На нас двоих, разумеется.

– Цель посещения? – спрашивает прыщавый.

– В город, к знакомым, – отвечаю спокойно. Ирина стоит, опустив голову, лицо кирпичом, по нитям вижу, что спокойна, умница. – Автобус ходит редко, решили прогуляться.

Патрульный переводит взгляд на Ирину, потом на меня.

– Сами откуда?

– Из Ложкина, – называю первое пришедшее в голову название. – Там, за лесом, километров пять. Не слышали? Неудивительно, место глухое.

– Документы её, – кивает на Ирину.

Она протягивает паспорт. Патрульный листает, сверяет фото, возвращает. Маг подходит ближе, поднимает амулет. Камень тускло светится – наши лицензии подтверждены, никаких отклонений.

– Проходите, – бросает прыщавый, отворачиваясь.

Минуем блокпост. Дальше трасса идёт прямо, и вскоре по бокам начинают тянуться невысокие жилые дома – частные вперемешку с пятиэтажками, кое-где даже в приличном состоянии старые купеческие особняки. Вдалеке, за ними, виднеются несколько заводских труб, дымят изрядно.

Город – типичный райцентр: серые пятиэтажки, облезлые вывески, пустынные улицы. До Москвы меньше сотни километров, но выглядит здесь всё так, будто время остановилось. Людей не много, снуют по своим делам – бабки с сумками на колёсиках, мужик в фуфайке тащит ящик с бутылками, трое подростков в спортивках сидят на лавке и тыкают в телефоны. Возле остановки – женщина с коляской, правда, в коляске не ребёнок, а сумки с продуктами.

На столбах – плакаты внахлёст. Один, уже мне знакомый – девушка в толстовке, типа маг-аномал, из рук бьют дуги, монстры там ещё, солдаты, «Твой дар – сила Империи!»

Есть и новые – зачёркнутый иномирец, подпись гласит: «Чистая земля – чистая кровь».

И один совсем свежий – портрет императора с круглыми зрачками, да-да, я-то знаю, какие они на самом деле... «Великий день единства».

Странно. Очень странно. Совсем недавно был жёсткий штурм «Чёрного Воронка», потом блокада с дронами над головой, меня брали измором. Открытым текстом меня пытались уничтожить. При этом я сейчас спокойно хожу по улицам, пялюсь на плакаты, причём не вижу ни одного с моей физиономией. Патрули проверяют документы, но как-то вяло, будто нехотя. Нет за мной явной слежки, по крайней мере, я её не вижу, не бегут каждую секунду с автоматами, не атакуют маги-менталисты с подавлением воли.

Вариантов несколько. Первый: император-самозванец – иномирец в человеческой личине. Вторгся сюда, захватил власть, но так и не понял здешнего менталитета. Специфику даже самой такой структуры, как «империя», где, чтобы избавиться от врага, мало его про-

сто объявить врагом и сделать несколько вбросов с целью устранения, тем более, неудачных вбросов. А нужно ну хотя бы объявить тотальную охоту, подключить всех магов-менталистов к прочёсыванию города, блокировать все въезды и выезды, посадить на хвост лучших агентов, перекрыть все каналы снабжения, использовать подставных лиц для внедрения в моё окружение, давить через родственников и бывших союзников, устраивать облавы, прочёсывая каждый подвал и чердак. И не прекращать ни на день, пока не поймают или не убьют. Но он как будто тупит. И для него, выходя из Эфириума, по такому варианту, бюрократия, розыск, психология толпы – тёмный лес. Вот и получают такие «качели»: то штурм, то затишье.

Второй вариант: у него просто не хватает ресурсов на тотальную охоту. Слишком много врагов, слишком много фронтов – аномалы, иномирцы, недовольные аристократы. Я для него – либо вовсе мелочь, либо лишь одна из многих проблем, и он бросает силы туда, где жарче.

Ну и третий: это проверка. Он ждёт, что я сам выведу его на свою сеть, на союзников, на базу. А пока я гуляю – пусть.

Что бы ни было, я пользуюсь моментом. Осторожно, но пользуюсь. Но надолго ли – неизвестно.

– Артём, ты завис, – Ирина трогает меня за локоть.

– Верно, – трясую головой. – Нам пора на рынок.

Рынок – максимальная классика жанра для городка, подобного этому. Бабульки, дедульки, зелень укропа и петрушки, вязанки лука, картошка в ведрах. Одна бабка торгует соленьями – на прилавке ёмкости с огурцами, помидорами, грибами, и ещё хрен знает с чем. Кавказцы с мандаринами, местные мужики с инструментом и хозтоварами. Два лотка с техникой – дешёвые телефоны в силиконовых чехлах, пауэрбанки с непременно завышенными ёмкостями, зарядные устройства.

У лотка с мясом очередь. Баба с авоськой просит взвесить курицу, требует скидку. Продавец в грязном фартуке спорит, машет рукой.

– Пауэрбанк есть? – спрашиваю у продавца техники.

– Есть. – Выкладывает три. – Этот через два дня сдыхает. Этот китайский, медленно заряжает.

– А этот? – тыкаю в средний. Китайский, блин. Можно подумать, остальные итальянские.

– Хороший. Месяц работает, потом может накрыться.

Нда, хочется поаплодировать ему за такой шикарный ответ.

Торгуемся минуты три – сбиваю цену с четырёх до двух с половиной тысяч. Продавец соглашается. У него же беру батарейки для скитальца.

Ирина оглядывается по сторонам:

– Странно. Середина дня, а народу как будто бы и правда маловато.

– Праздник скоро, – бормочет продавец, упаковывая пауэрбанк. – Украшают, кто дома, кто площадь, всё сами, никто за нас не украсит. Кто отлынивает – чуть ли не штраф, Император сказал.

– Штраф? – переспрашиваю.

– Ага. «Добровольно-принудительное оформление города». По телевизору передавали.

Покупаю шесть банок тушёнки, выходит увесисто. Далее хлеб, гречку, соль, в общем всё по списку скитальца и что-то от себя. Ещё беру мыло и зубную пасту – отвыкать от гигиены не входит в мои планы.

В очереди за чаем у металлической будки на колёсах, выполняющей функцию киоска, где женщина с зелёным передником наливает из термоса в пластиковые стаканы, слышу разговор двух мужиков в камуфляже без знаков различия. Местное ополчение или охранники. Возраст под пятьдесят, стоптанные ботинки, лица небритые и усталые. У одного – рыжие усы, у второго – оспина на щеке.

– связь херовая, – рыжеусый тычет в телефон. – «Имперал» не грузится.

– «Империял» херня, – сплёвывает второй. – «Соотечественники» висят.

– Во-во. А с Москвой свяжись – глушняк полный.

– Да кому ты там на хрен нужен? Мне вон жена вчера: «Ты со своими телефонами достал». Хоть козу заводи, и та нормальной.

Нити мужиков серые, апатичные. Им, я почти уверен, плевать на новые режимы, на нового Императора. Они хотят, чтобы телефон работал. Чтобы связь была. Чтобы родственников услышать или хотя бы написать. Политика политикой, но вот по поводу связи у нас с ними потребности полностью совпадают.

Получаю два чая в пластиковых стаканах, отдаю один Ирине. Она пьёт осторожно, обжигается, дует.

Пауэрбанк, хоть и только с прилавка, но заряжен более, чем наполовину. Подключаю свой телефон, заодно набираю Лену.

Гудок. Ещё гудок. Третий.

Гудки это уже в целом неплохо, это лучше чем тишина, к которой я почти привык, лучше, чем когда связь обрывается или когда абонент временно недоступен.

Пятый. Шестой.

– Алло? – слышу внезапно. Голос сонный, хриплый, но я узнаю его.

У аж что-то ёкает меня внутри, я даже смотрю на экран – не показалось ли?

– Лена, это я.

– Артём?! – Она выдыхает так, что динамик хрипит. – Ты живой! Я всех потеряла! Связи нет, Гром молчит, Ирина

Ирина, услышав своё имя, подскакивает, вырывает у меня трубку:

– Ленка! Ты где? Мы тут в лесу Артём меня из дерева вытащил, представляешь? Из дуба!

– Она смеётся и плачет одновременно.

Я не мешаю. Пусть выговорится. Лена что-то отвечает, я забираю телефон обратно.

– Ирина со мной, – говорю. – Цела, только в дереве успела побывать. Как сама?

Лена понижает голос:

– В Питере. У одной знакомой из прошлой жизни, пустила переночевать. Артём, тут патрули на каждом углу. Проверяют документы – всех подряд шмонают. А по телевизору круглосуточно твердят про «Великий день единства». Через две недели на Красной площади.

Да уж, плакаты мы уже видели.

– Знаю. Что ещё?

– Есть свежие указы. Император создаёт сеть лагерей для «перемещённых лиц». Это про иномирцев, Артём. Их ловят по всей области.

Прикидываю. Собрать иномирцев в одном месте – рискованно, это армия, если организуются. Значит, у императора есть способ их подавлять. Для чего? Рабы, опыты? Хрен его знает. Но факт: раньше убивали, теперь ловят живьём. Это неспроста.

– Значит, теперь не просто стреляют при встрече, а собирают партиями. – Я оглядываюсь на плакат с улыбающимся парнем. – Для аномалов – плакаты, для иномирцев – облавы и лагеря. Два фронта.

– Согласна, дичь полная. И что будем делать?

– Первое: найди остальных. Грома, Петровых – всех. По любым каналам, через клиентов «Кодекса», через кого угодно. Собери команду заново.

– Поняла.

– Второе: собирай информацию. Что говорят о новых указах, о перемещениях войск, о лагерях. Всё, что касается иномирцев и аномалов.

– Хорошо. А ты?

Отвожу взгляд в сторону. Рынок пустеет, бабульки собирают огурцы, продавец техники уже зевнул три раза подряд.

– Я пока здесь, в лесу. Тоже ищем союзников. Держись.

– И ты. – Она замолкает, потом добавляет: – Артём, будь осторожнее.

– Передай привет питерским разводным мостам.

Разговор прерывается «сам». Смотрю на экран – связь пропала. Но мы успели.

Ирина смотрит на меня.

– Лена в Питере, всё хорошо. – Убираю телефон. – А вот Иномирцев теперь ловят и собирают. И если это не пресечь, появится ещё одна сеть, помимо нашей подпольной – сеть этих лагерей.

– Тогда наш лагерь в опасности.

– Пока никто, кроме грибников, надеюсь, не знает, где он. Но узнают и другие, если жителя лагеря не будут осторожны. И если мы к чертям не вырежем этот режим вместе с его основателями, и чем быстрее, тем лучше.

Она кивает. Смотрит в сторону рынка – бабки сгрудились у лотка с зеленью, обсуждают цены, продавец техники дремлет на табурете.

– Нам ещё за продуктами. – напоминаю Ирине, которая после звонка стала чересчур задумчивой. – Но сначала пойдём поедим. Я видел закусную при гостинице.

Прямо у входа в закусную стоит автобус. Старый, выдавший виды – краска облезла, на боку траурная надпись «РИТУАЛ», и под ней – чей-то номер телефона, написанный баллончиком, поверх покрашенный другой краской. Рядом с автобусом патрульная «Нива» с включённой мигалкой, мигает тускло, как умирающий светляк.

Двое в форме тыкают артефакт-детектором в днище автобуса. Детектор пищит, не слишком громко, скорее показывает нормальный уровень магического фона. Водитель стоит в стороне, опираясь на трость. Лицо заросшее, щетинистое, глаза усталые и по правде сказать, злые.

– Я вам объясняю – это штатное охлаждающее оборудование на артефактах, – хрипит он, – автобус для перевозки – он сплёвывает – сами знаете кого – таких как вы, только мёртвых. Все документы есть.

Но патрульные не слушают и, кажется, собираются начать обдирать обивку в салоне, чтобы что-нибудь там найти. Подхожу ближе, встаю между ними.

– Гражданин, не мешайте работе, – говорит мне один из проверяющих, при этом не глядя на меня. – Или у вас есть что сказать?

– Есть, – отвечаю просто. – Можете сворачиваться. Объект чист.

Оба поднимают головы. Лысый с татуировкой отводит детектор, щурится:

– А вы кто?

Достаю паспорт, разворачиваю перед его носом:

– Маг-аналитик Связев, служба контроля социальных связей. У меня к водителю вопросы по договору перевозки. Ваша проверка закончена.

Нити патрульных – серая скука. От моей наглости вспыхивает оранжевая – раздражение, за ней жёлтая – злость, и следом красная. Пора действовать.

Глава 3

Использую «Подмену договора». Нахожу нить-связь: «Я, как патрульный, обязан досмотреть автобус согласно распоряжению 304». И меняю один пункт. «Досматривать не нужно. Нужно доложить о чистоте и убыть на следующий пост».

– Вы уже всё проверили, – говорю спокойно, даже нарочито скучающе. – Ничего подозрительного. Можете быть свободны. У вас там, кстати, через квартал «Газель» с хлебом стоит, проверьте лучше её. Водитель подозрительный.

Амулет у патрульного гаснет – фиолетовое свечение сжимается в точку и пропадает.

– Точно мы всё проверили, – бормочет он. – Ничего нет.

Другой хлопает детектором по ладони, прибор издаёт короткий писк и замолкает. Забираются в «Ниву», двигатель чихает раз-другой и заводится. Господа уезжают, без спора, без драки.

Водитель автобуса стоит, смотрит на меня. В руках – трость, чёрная, с потёртой ручкой. Опирается на неё так, будто готов не только на неё опираться, но и ударить, если приспичит.

– Ты кто такой? – кашляет он.

– Тот, кто только что спас тебя от штрафа тысяч в пятьдесят и, возможно, ареста. – Киваю на его ногу. – Что с ней?

– Старая травма. Производственная. – Он плюёт в сторону, метко – прямо в лужу. – Пресс упал. Дробление костей. Теперь на ритуальных автобусах гробы вожу. Раньше на заводе работал наладчиком, двадцать пять лет. А теперь – «Ритуал», покойники и свежие венки. Скорбенко моя фамилия.

– Слушай, Скорбенко. Ногу твою, конечно, жаль. Но мне нужен автобус. Для закрытой религиозной общины в лесу. Люди тихие, не курят, не пьют. Водитель тоже нужен в комплекте. Заплачу.

Он хмыкает, скрежещет зубами.

– Это чё, баптистов везти? Или свидетелей, ну, тех самых?

– Типа того.

Ирина встаёт рядом. Скорбенко переводит вопросительный взгляд с неё на меня.

– Это моя помощница. Она тоже из общины.

Ирина молчит, смотрит на него с лёгкой улыбкой.

– Ладно, – говорит он. – А чего вы в лесу-то? Храм, что ли, строите?

– Ближе к природе, – отвечаю. – Не суть. Вот задаток.

Достаю из кармана двадцать тысяч, протягиваю.

Скорбенко смотрит на деньги, потом на меня. Нити его дёргаются – жадность борется с недоверием. Жадность в итоге побеждает.

Он берёт купюры, пересчитывает, складывает во внутренний карман своей невообразимо старой куртки, такой же, наверное, древней, как автобус.

– Потом ещё столько же после первого рейса. И по договорённости дальше.

– Тачка моя, – предупреждает он. – Бензин ваш. И если что – я не в курсе. Вы меня не видели.

– Договорились.

Протягиваю руку. Он жмёт – широкой, мозолистой, с коричневыми пятнами, пальцы сильные, не трясутся.

– Когда выезд?

– Как скажу. Предварительно завтра утром. Будь на связи. – Даю ему номер. – Лишний раз не звони, я сам свяжусь.

Скорбенко кивает, суёт телефон в карман. Опираясь на трость, обходит автобус, проверяет шины – трогает мыском ботинка, оценивает давление. На заднем колесе что-то находит, похоже на гвоздь, чертыхается, выдёргивает.

– Завтра вечером подъезжай к лесу за восточным объездом. Увидишь просёлок, сверни на него, через три километра будет поляна. Я пришлю координаты перед выездом.

Скорбенко кивает, залезает в автобус. Двигатель рывкает, выпускает клуб едкого чёрного дыма. «Ритуал» вздрагивает, дёргается и уползает, ныряя за угол хлебозавода.

Ирина смотрит вслед автобусу.

– Он надёжный?

– Водитель или автобус? – усмехаюсь я. – Водитель – пока да. Таким, как он, заработать только в охотку, и он здешний, накосячит, все будут пальцем показывать.

Заходим, наконец, в закусную. Пластмассовые столики, клеёнка в клеточку, запахи дешёвого кофе и табачного дыма – вот и вся закусная, хоть и для такого городка более чем органично. Даже здесь над входом повесили портрет Императора, и опять с круглыми зрачками, но я всё равно морщусь от вопиющего лицемерия. На стене, чтоб уж наверняка, плакат «Мы за чистое будущее!» с перечёркнутым иномирцем.

Официантка – женщина лет пятидесяти, почти не улыбается, под стать местечку. Хорошо, что вообще подошла.

– Две порции пюре с котлетой, – заказываю.

– Мяса нет, – сообщает она равнодушно, даже не извинившись.

Я переглядываюсь с Ириной.

– Тогда просто пюре. И борщ без мяса есть?

– Есть, – кивает.

– Две тарелки борща и две порции пюре. И морс. – Отдаю меню.

Официантка уходит. Ирина наклоняется ко мне, понижая голос:

– Мясо закончилось? Это что, дефицит?

– Или к празднику придерживают. Или цены у поставщиков поднялись. – Пожимаю плечами. – Или иномирцы по лесам всю живность употребили.

Ждём. В зале никого, кроме нас и двух мужиков в углу, которые молча пьют кофе и смотрят в телефоны.

Через пять минут входят двое. Форма УНМА, офицерские погоны. Один повыше, с бритым затылком и такими синими тенями под глазами, будто их нарисовали углём. Кожа землистая, на скулах красные прожилки – похоже, не столько не спал, сколько перестал за собой следить. Второй пониже, круглый, с красным лицом – этакий любитель выпить, хоть сейчас и трезв.

Заказывают кофе и коньяк. В жёлтых нитях – возбуждение, болтливость. Каждому из них чешется друг перед другом выговориться.

– честно, я сам не понял, – говорит высокий, подливая коньяк в кофе. – Нам сказали: две недели, Красная площадь, «грандиозное шоу», мать его. Император лично будет открывать.

– И что за шоу? – Красномордый жуёт пирожок.

– Не знаю. Сказали – единство рас, мощь империи, все дела. Но говорили что-то и про артефакты. Я хрен его знает. Может, разломы закроют навсегда?

Высокий понижает голос:

– Да я тоже разной хрени слышал. Белов там что-то из Кремля не вылезает третью неделю. Что-то там настраивает. Аж в подвалы спускается.

– В эти, лаборатории что ли? – Красномордый проглатывает пирожок, свистит. – Да из него учёный, как из меня.

– Что за лаборатории?

– А ты басни эти не слышал разве? Типа там лаборатории были, ещё при старом императоре, и до него.

Красномордый оглядывается, замечает нас, замолкает. Высокий пихает его локтем.

– Надеюсь, нам за это хоть премию дадут, – говорит уже тише. – Месяц ходить в патрулировании честно, задолбало. Вчера пятьдесят километров отмахал по лесам. Кого мы там ищем? Ах да, наверное грибы.

– Тихо ты, – высокий оглядывается снова.

– Да чё тихо! Нет там этих долбанных иномирцев, только бабки с грибами.

Они допивают, расплачиваются, уходят. Красномордый на прощание бросает взгляд на Ирину, но ничего не говорит.

Ирина выдыхает:

– То, о чём ты говорил? Иномирцев ловят?

– Ещё не ловят, ищут, – поправляю. – Но не нашли. Пока.

– А что за шоу?

– А здесь и у меня вопросы. Мы должны узнать.

Протягиваю официантке купюры, та принимает, долго ищет сдачу в фартуке, чешет затылок. Скоро, наконец, выходим на улицу.

– Пойдём отсюда, – говорю. – Нам пора в лагерь, собирать наших друзей в путь-дорогу до Москвы.

У блокпоста на выезде уже другой патруль – также двое в форме, неизменно курят у неизменной «Нивы», лениво провожают взглядом редких прохожих. Проверяют выборочно, нас не трогают.

Прежним путём возвращаемся в лес, к вечеру мы уже в лагере. Костер вовсю горит, иномирцы сидят вокруг, кто-то чинит оружие, кто-то спит.

Старый скиталец встречает у входа.

– Всё? – коротко спрашивает он.

– Всё. – Отдаю ему батарейки и пакеты с продуктами, а также мешочек с камнями. – Не пригодились. Оставь себе.

Он смотрит долго и с неподдельным удивлением. Батарейки и камни прячет в карман куртки «Адидас».

– Ты завтра уходишь?

– Уходим. Часть твоих – с нами.

Он молчит. Потом разворачивается и так же молча уходит к костру.

Ирина смотрит ему вслед.

– Тяжёлый он какой-то.

– Возраст, – поясняю я и осекаюсь: Арателем в прошлом моем мире я прожил двести пятьдесят семь лет, неужто тоже со стороны был таким же душнилой? – Мы не знаем, какую жизнь он прожил. Может быть, он многое потерял.

Возвращаемся в домик. Выкладываю нашу часть продуктов на стол – по сути та же гречка, тушёнка, хлеб, соль. Завтра на резервный случай заберём что-нибудь из этого с собой.

– Ты спи, – говорю Ирине. – Завтра рано встаём.

Она кивает, уходит в маленькую комнату. Я ложусь на свои нары.

Пробую набрать Грома – тишина. Петрова – то же самое.

Засыпаю под голоса иномирцев снаружи у костра – гортанные, низкие, похожие на треск камней.

Просыпаюсь, когда снаружи ещё не рассвело, но в окно уже пробивается серый свет – то самое первое утреннее просветление после ночи. Ирина в маленькой комнате возится, слышно, как скрипят доски.

– Подъём, Ирина, – говорю я в стенку. – Через час выезжаем. Не проспай. – пока связь ловит, пишу сообщение Скорбенко, чтоб прибыл и делаю контрольный звонок, чтобы разбудить, если спит.

Ирина громко вздыхает. Потом я слышу, как она переворачивается на другой бок, и говорит непривычным мне голосом – низким, вкрадчивым, почти мурлыкающим:

— Командир, ну может, повременим с этой Москвой? А? Ну его. Полежим ещё немного, разомнёмся с утречка Я тут нашла удобное положение, мне кажется, тебе бы понравилось.

Я замираю. Что-то в её интонации заставляет меня слегонца удивиться. Дамочка Ирина никогда так со мной не разговаривала. Ни даже близко к тому, ни даже в шутку, всяко, но без этого кошачьего голоса. По делу – да, с иронией – тоже бывало, но чтобы вот так

– Ирина, – говорю я, – Ты в порядке? Точно не ударялась о дерево, когда в нём сидела?

Она мягко усмехается:

– Ну что? Только представь: ты не бегаешь по рынкам, не разрываешь нити, а лежишь и никого не спасаешь. Хотя бы час. И я рядом. Греем друг друга. Без твоего вечного «не до этого».

Вот уж, пожалуй. Что и ответить тут ей. Она же, по ходу, всё это всерьёз. И ещё и с такой интонацией.

– Вставай, – говорю я строже. – Твоё «разминаться» мы оставим на потом. Когда режим не будет пытаться нас уничтожить.

Она вздыхает, и в этом вздохе – бездна разочарования:

– Всё с тобой ясно, Артём Серпов. Никакой романтики, только война, планы и гречка всухомятку.

– Я серьёзно, Ирина. Выходим через час.

– Ладно, – уже обычным голосом отвечает она. – Но ты, командир, хоть раз в жизни Ладно, молчу.

Слышно, как она шуршит одеялом, потом скрипят пружины – поднимается.

– Завтрак хотя бы будет? – спрашивает уже более бодро.

– Будет. Собирайся.

Накидываю куртку и выхожу.

Костер почти догорел. Несколько углей ещё тлеют в золе, тонкий дымок тянется вверх. У огня сидят двое серебряров – те, кто дежурили ночь. Один чинит рукоять копья: обматывает её тряпкой, туго, старательно, кусает край зубами, чтобы оторвать. Второй просто смотрит в сторону леса, не моргая.

Из домика выходит старый «Адидас». Сейчас капюшон откинут, лицо видно лучше, чем до того, и оно выглядит ещё более морщинистым.

– Доброе утро, – говорю я. – Как спалось?

Он кивает, поправляет воротник, потом долго смотрит на меня, шурится:

– Шумишь, Артём. Люди ещё спят.

– Люди уже встают, уважаемый. Солнце через час поднимется. Мне нужно пятнадцать добровольцев. Тех, кто не боится ехать в большой город.

– Пятнадцать – это много, – он чешет затылок. – Молодёжь рвётся, это да. Старики – нет. Я поговорю.

– Поговори. И рясы собери. Такие, как у тебя. Длинные, с капюшонами. Чтобы лица не видно.

Он смотрит на меня с подозрением:

– Зачем?

– Маскировка, – терпеливо объясняю. – В городе сейчас ловят таких, как вы. В рясах будете похожи на монахов. Религиозная община.

Скиталец вздыхает, разводит руками, мол, делай что хочешь, потом уходит будить своих. Начинается обычный утренний гам – иномирцы вылезают из домиков, кто стоит и озирается, кто сразу идёт к костру греться. Один сильвер протирает глаза и начинает рассказывать что-то соседу – **звонко**, быстро, активно жестикулируя. Краг рывкает на него – мол, рано ещё орать. Сильвер замолкает, обиженно отворачивается.

Скиталец приносит большой свёрток. Пятнадцать ряс, длинные, до пят, с глубокими капюшонами, серые и чёрные, все разного размера и состояния. Одна с дырой на локте, сквозь которую явно будет видно серебристую кожу. Другая – с тёмными пятнами, похожими на плесень. Третья пахнет так, что постирать бы, да времени нет.

Следом из-за домика выходят отобранные добровольцы. Семь сильверов – молодые и постарше, шестеро крагов, среди них тот, что вчера ломал дерево, и двое скитальцев в длинных тёмных балахонах. Крэгг, тот самый краг, который ломал дерево и помогал освободить Ирину, выступает вперёд, кивает мне – мол, я за старшего.

– Надевайте, – командую, разворачивая первую рясу. – Это ваша новая форма. Привыкайте.

Они подходят по очереди. Я помогаю каждому:

– Руки в рукава. Капюшон на голову. Застегни пуговицы, нечего сверкать серебром на солнце.

Первый сильвер – молодой, с бледной кожей и большими глазами – натягивает рясу, капюшон сползает ему на глаза. Он поправляет его раз, другой, третий, потом плюёт и оставляет так. Смотрит на меня оттуда, из-под ткани.

– Меня видно? – спрашивает неуверенно.

– Дурака из себя не строй, – отвечаю. – Поправь нормально. Ты боец, а не пугало огородное.

Второй сильвер – постарше, с более тёмной кожей – справляется лучше. Застегивается на все пуговицы, прячет руки, капюшон натягивает глубоко.

Краги, как я и ожидал, начинают ворчать. Их широкие плечи едва пролезают в рукава, ткань трещит по швам.

– Неудобно, – хрипит один из них, широкоплечий, с базальтовой крошкой на щеках. – Мне этот мешок мал. Я в нём дышать не могу.

– Дыши втянув живот, – советую.

– Я не умею, – обиженно отвечает он. – У меня нет живота, одни камни.

Крэгг застревает в собственном капюшоне. Мечется, мотает башкой, ткань трещит всё сильнее.

– Стой, чёрт тебя дери, – подхожу, хватаю рясу с двух сторон, дёргаю вниз. Голова крага выскакивает наружу с громким хлопком, будто пробка из бутылки шампанского.

– Спасибо, Артем, – выдавливает он, потирая шею.

– Терпи, друг. В Москве если будешь без этого – поднимут тревогу быстрее, чем произносится слово «иномирцы».

Скорбенко подгоняет автобус ровно через час – не к самому лагерю, а к условленному месту, не доезжая. Не хотелось бы ещё до выезда шокировать его видом нашей необычной компании без грима, то есть без накидок с капюшонами, а то так и выезд сорвётся. Хотя, неизвестно, кого самому Скорбенко довелось перевозить на своём «Ритуале».

Мы уже здесь, пришли заранее. Слышу автобус ещё издали – старый дизель тарыхтит так, что земля под ногами вибрирует. Он останавливается, выпуская густой клуб чёрного дыма с запахом солянки и перегретого масла – запах, который я теперь волей-неволей буду ассоциировать с нашими авантюрами.

Скорбенко вылезает из кабины, опирается на трость, оглядывает лагерь. Спокойный, уверенный.

– Ваша братия готова? – хрипит он, сплёвывая в сторону.

– Почти. Давай поможешь с погрузкой.

– Я шофер, а не грузчик, – ворчит он, но всё равно лезет в багажный отсек, принимает наши мешки и пакеты с запасами. – Я там на заправку заезжал, пока вы тут дрыхли. Полный бак залил. Двести литров, представляешь?

– Намёк понял, будет оплачено.

– А то, – он кивает, поправляет трость. – Я человек скрупулёзный.

Иномирцы уже устраиваются внутри салона, сгружают мешки с продуктами. Замечаю, что кто-то даже прихватил свою миску и деревянную ложку.

В салоне пахнет старым кожзамом, конечно же машинным маслом и сладковатой вонью ароматизатора на зеркале заднего вида. Пластмассовый ёжик в цветочек, ёлки-палки. Я решаю не спрашивать, откуда он взялся – мало ли какая история от водителя похоронного автобуса стоит за этим ёжиком

Ещё раз окидываю взглядом наш отряд. Пятнадцать иномирцев в балахонах, краги в задних рядах, серебряные в середине, скитальцы отдельно на передних местах – все молчат, смотрят на меня.

– Раньше было «Агентство «Кодекс», – объявляю я. – Теперь – «Агентство «Ритуал». Похороним их режим.

Скорбенко качает головой, залезает за руль.

– Шутник, – бросает он, не оборачиваясь.

Глава 4

Автобус трогается. Несмотря на то, что едем по явно хреновой лесной дороге, транспорт идёт неожиданно плавно – Скорбенко, однако, ювелир, ведёт аккуратно, хоть и тачка старовата, и под нами что-то стучит и подвывает на каждой неровности. Лес за окном редееет. Сосны сменяются берёзами, потом полями, потом опять лесом, но мелким.

Через двадцать километров нас встречает первый пост. Патрульное авто поперёк дороги, как всегда двое в форме УНМА. Один с планшетом, второй с амулетом на шее – для проверки на магию.

Подходят к водительской двери. Скорбенко опускает стекло, протягивает документы:

– Автобус ритуальный. Везу тело. Инфекция – закрыто, не вскрывать, – говорит он ровно..

Патрульный заглядывает в салон – видит рясы, капюшоны, лица под ними не разобрать.

– Кто такие? – спрашивает, кивая на пассажиров.

– Монахи. Община, – Скорбенко не моргает. – Провожают усопшего. Их вера не позволяет показывать лица на похоронах.

– Лица покажите, – настаивает патрульный. – Приказ.

– Не положено, начальник, – вежливо, но твёрдо говорит Скорбенко. – Им после этого обряд заново проводить. А покойный, – он кивает в сторону багажного отсека, – из их числа был. Особо чтимый.

Нити патрульного – серые, с лёгким желтоватым оттенком. Ему лень связываться, он хочет перекурить и забыть о том, что надо кого-то останавливать и проверять. Он возвращает документы, машет рукой:

– Езжайте. Но без остановок в черте города. И чтобы к вечеру снова были за МКАДом.

– Вас понял, – Скорбенко кивает, плавно трогается.

Ирина выдыхает рядом со мной:

– Пронесло. Аж пот прошиб.

– Он сам не хотел связываться, – отвечаю. – Ритуальные автобусы – такая себе примета для патрульных. Говорят, на них, как там, весь негатив переходит от покойников. Бред, конечно, но может сработать покруче любой магии.

Следующие два поста пропускают нас вообще без остановки. На четвёртом посту патрульный с планшетом смотрит наши документы минуты две, потом спрашивает:

– А чего пассажиры молчат?

Я отвечаю:

– Обет молчания. Траур.

Он пожимает плечами и отпускает.

Через часа полтора вырливаем на МКАД и какое-то время едем в потоке фур, сквозь выхлопную гарь мегаполиса, мимо щитов с портретом Императора. Скорбенко чертыхается, крутит руль, петляет между тихоходами.

В какой-то момент он сворачивает на съезд, и автобус ныряет в промзону. Здесь всё серое: заборы, асфальт в трещинах, из которых торчат целые кусты, ангары с облупившейся краской, трубы, из которых ничего не дымит. Дорога скоро становится грунтовой – две колеи, между ними трава.

Через десять минут он останавливается у высоких металлических ворот. Краска облезла, на одном столбе старая камера, на другом – домофон, весь в царапинах.

– Склад Новикова, – объявляю я, выходя. – Приехали.

Скорбенко сигналил – коротко, два раза. Тишина. Потом скрежет, и ворота начинают открываться, медленно, с протяжным стоном, будто их не открывали сто лет.

Пожилой сторож в телогрейке, лицо испитое, глаза цепкие, навывлет. Он щурится на меня, узнаёт.

– А, тот самый, – говорит негромко. – А Борис Борисович не предупреждал.

– Борис Борисович не в курсе, – отвечаю. – Но мы свои.

Он смотрит на автобус, качает головой.

– Проходите. Старший ждёт.

Внутри ангара – полутьма, редкие тусклые плафоны под потолком. В дальнем конце я различаю ящики, стеллажи, а на них – серебристые силуэты.

Восемнадцать сильверов. Те, кого мы когда-то сюда эвакуировали. Живы, здоровы, даже немного отъелись – у одного проступает пузо, хоть и металлическое. Сидят на ящиках, переговаривается на своём – голоса высокие, мелодичные, как колокольчики.

Из глубины выходит Старший. Нити синие, ровные, настороженный, но без враждебности.

– Артём, – понимаю я через артефакт-переводчик. – Не ждали.

– Привёл подмогу, – киваю в сторону автобуса. – Пятнадцать бойцов. Сильверы, краги, скитальцы. Разместишь у себя?

Старший смотрит на иномирцев, которые уже входят в помещение. Один краг спотыкается о порог, чертыхается. Сильвер из местных, сидевший на ящике, издаёт мелодичную трель – похоже, усмехается, но Старший бросает на него взгляд, и тот затихает.

– Место есть, – объясняет сторож. – Но чем их кормить? Борис Борисович под арестом, связи толком с ним нет. Запасы на исходе.

– Организуем, – отвечаю.

Старший кивает, командует своим:

– Освободить угол, принести подстилки.

Сильверы начинают перетаскивать ящики, кто-то подаёт команды, мелодично, будто поёт, и этот звук в бетонных стенах звучит даже неожиданно красиво.

Сторож, стоящий в дверях, кашляет, трогает козырёк.

– Вы это долго будете?

– Я сейчас уеду, – говорю. – Остальные... Надеюсь, недолго. Зависит от того, как скоро свергнем самозванца.

Он вздыхает, достаёт из кармана смятую пачку «Беломора», но не закуривает, просто мнёт в пальцах.

– Новикову, если свяжетесь, передайте: Семёныч не подвёл.

– Передам, – обещаю.

Объясняю прибывшим вкратце через переводчика:

– Здесь жить. Слушаться Старшего. Я скоро вернусь.

Краг, тот, что застревал в капюшоне, здоровенный, молчаливый, вдруг подходит ко мне, хлопает по плечу своей каменной ладонью. Это прям даже весьма ощутимо, но я не показываю вида.

– Удачи тебе, человек, – хрипит он.

– Спасибо, – хлопаю его в ответ, и это так же не менее ощутимо, не ему, а разумеется мне.

В этот момент у меня в кармане вибрирует телефон. Номер неизвестный, даже без региона. Я смотрю на экран секунду, потом провожу пальцем, подношу к уху.

– Да, слушаю.

– Артём! – Голос Петрова, сбивчивый, радостный, он почти выкрикивает в трубку, будто боится, что связь оборвётся в следующую секунду. – Слава богу, слава богу! Ты трубку взял! Я уже три часа звоню, всё без ответа, я думал, всё, конец, мы пропали, и ты пропал, и вообще – катастрофа!

Я невольно улыбаюсь – слышать его голос, пусть и паникующий, приятно. Петров – один из немногих, кто остался со мной с самого начала, и его «катастрофа» звучит почти как «я скучал».

– Петров, – говорю я, стараясь звучать как можно спокойнее, хоть и самому чуток волнительно. – Живой. Я рад тебя слышать. Вы где?

– Да мы Клавдия Петровна – он запинаясь. – Короче, портал Павла выбросил нас к Мещерской! Открываем глаза, и оказывается сидим мы с Клавдией Петровной в креслах, розовых таких, а перед нами княгиня в халате. И в руке бокал, какой-то коктейль с зонтиком. У нас шок, у неё тоже. Клавдия Петровна не теряется, и говорит: «Здравствуйте, извините за беспокойство, ваша милость». А княгиня спрашивает: «Вы кто?» – «А мы Петровы, это, случайно тут». Артём, это был кошмар! Я хотел сквозь землю провалиться.

Петровы? Неплохо звучит. Сразу видно, кто тут главный стратег по части легендирования.

Из динамика доносится недовольный голос Клавдии Петровны. Она явно стояла у телефона и слышала всё с самого начала.

– Это ты нас в «Петровы» записал, Лёша? Ладно, потом разберёмся. А сейчас – не привирай! Я сказала: «Простите великодушно, нас забросило порталом». Всё чинно, благородно. И никаких розовых кресел не было, кресла бордовые.

– Ну, малиновые, – поправляется Петров. – Артём, не важно. Короче, с княгиней нашли общий язык. Даже комнаты дала. Говорит, что хочет с тобой встретиться. По-моему, она не враг. У неё глаза такие... Как у всех нас, кто против этого режима.

– Хм, это интересно, – отвечаю. – Княгиня рядом? Передай ей трубку.

Слышу шуршание, возню, потом женский голос с лёгкой хрипотцой, как у человека, который только что проснулся или только что перестал кричать на прислугу.

– Княгиня Мещерская. А вы, как я понимаю, тот самый Артём Серпов, со встречи у Шереметева? Мне о вас рассказывал ваш взволнованный соратник?

– Да, я Артём, – представляюсь я. – Если верно понял, вы готовы говорить по делу.

– Я готова, – сухо отвечает она. Слышно, как она отпивает что-то. – Но не по телефону. Приезжайте. Обсудим, что делать с вашими людьми и с ситуацией. У меня здесь два лишних рта, которые к тому же утверждают, что вы их начальник.

– Они не врут, княгиня. Спасибо за приглашение, но я с ещё несколькими лишними ртами.

– Что ж, тогда привозите и остальных. Я не кусаюсь. Только иногда.

– Буду через два часа. Ждите.

Кладу трубку, поворачиваюсь к Скорбенко:

– Едем в центр. Княгиня Мещерская, особняк в Хамовниках.

Он хмыкает, барабанит пальцами по рулю:

– Артём Андреич, мы ж с тобой договаривались: одна поездка. От леса до склада. А ты меня теперь в Москву тащишь. У меня своих дел – во как.

Он проводит ребром ладони по горлу. Я усмехаюсь.

– Дела подождут. Плачу за новый рейс отдельно. И за простаивание.

Скорбенко шурится, трёт щетину.

– Заправлю полный бак, захочешь уехать – всегда уедешь.

Он молчит, вздыхает, хлопает ладонью по рулю.

– Ладно, уговорил. Но если меня там, у твоей княгини, арестуют – я на тебя в ментовке напишу.

– Не арестуют, – говорю. – Я поручусь.

Он заводит автобус.

– Так кто у нас по плану, говоришь? Княгиня? И мы туда – на «Ритуале»? Она жива вообще? Ну, бывало и хуже, я и покойников возил почётнее, чем иных живых.

– А ты хотел бы на свадебном лимузине? – усмехаюсь я.

Заглядываю ещё раз на склад.

– Вы двое, – киваю одному сильверу и скитальцу. – И ты, краг. Едете со мной.

Трое иномирцев без возражений заходят обратно в автобус. Скорбенко смотрит в зеркало заднего вида, оборачивается. Останавливает взгляд на сильвере – тот на секунду приподнимает капюшон.

– Это что ж за монахи такие? – Скорбенко усмехается, но в голосе сквозит удивление. – Серебряные? Да, я погляжу, и каменные?

– Иномирцы, – отвечаю спокойно.

– А ты всё говорил, община, община. – Он трогает щетину, качает головой. – Монахи, мол, тихие. А они, выходит, не люди вовсе.

– Не люди, – подтверждаю. – Но тихие – это правда. Ты же всю дорогу их вёз и, считай, не заметил.

Скорбенко смотрит на иномирцев, которые уже натянули капюшоны и замерли на своих местах.

– Ну да, – бормочет он. – Сидели, не дышали. Я думал, это у них обет такой.

– И обет тоже, – говорю. – В любом случае, не кусаются, и на людей не нападают, если не трогать.

– А на кого нападают?

– На тех, кто нападает первым.

Скорбенко хмыкает и вырывается со склада. Далее обратно через промзону, потом на МКАД, со МКАДа уходим в сторону центра. Движение плотное, но без пробок, вечерний час пик ещё не начался. Ни одна машина не повторяет наши манёвры – хвоста вроде нет.

Спустя полчаса сворачиваем на тихую улицу с особняками. Там, следуя навигатору, находим искомый, с табличкой «КНЯГИНЯ Е.А. МЕЩЕРСКАЯ».

Скорбенко паркует автобус у кованых ворот.

– Приехали. Княжеские хоромы.

Я выхожу первым. За забором в окнах второго этажа вижу свет. И вдруг оттуда, из-за шторы выползает нить. Тонкая, серебристо-золотая. Она тянется через стекло, через забор, через двор – ко мне. Останавливается в метре, пульсирует.

Сзади слышу шаги Ирины.

– Ты чего? – спрашивает она.

– Ничего. – Я делаю шаг к воротам. – Нас очень ждут. И не только Петров.

Набираю номер Петрова.

– Мы у ворот. Открывайте.

– Сейчас, сейчас, – отвечает торопливо.

Ворота начинают разъезжаться, медленно, со скрежетом, будто их не открывали сто лет.

Прохожу сквозь эту нить, она вдруг обвивается вокруг моей руки, как браслет. Такое я видел только у людей, которые испытывают сильное, очень сильное желание Ирина идёт следом, она, как и все другие, никаких нитей не видит, а я уже буквально чувствую её на запястье.

Дверь открывает сам Петров с таким видом, будто я воскрес. Бросается ко мне, хлопает по плечу, потом будто спохватывается, одёргивает руку.

– Артём! – он хватает меня за руку, трясёт. – Слава богу, слава богу Пройди скорее, княгиня ждёт.

Вхожу в прихожую. Высокие потолки, лепнина, зеркало в резной раме. Пахнет старым деревом и дорогими духами.

Из гостиной доносится голос Клавдии Петровны:

– соль надо на глаз, а не по книжке, Лёша никогда не понимал

И второй голос – тоже женский, с хрипотцой и усмешкой:

– У нас на кухне такая же беда. Повар француз, а соли не жалеет.

Мещерская появляется на лестнице. Спускается не спеша, будто мы у неё в гостях уже неделю. Тёмно-вишнёвое платье, шаль на плечах, волосы убраны. Нити, которые я видел у ворот, колышутся у неё возле груди, возле шеи, тянутся ко мне тонкими розовыми жгутами.

– Господин Посредник, – кивает она без улыбки, но голос мягкий. – Вы голодны?

Она подходит ближе, протягивает руку для поцелуя. Я не целую – пожимаю. Её пальцы тонкие, тёплые. Я отпускаю руку. Она улыбается.

– Проходите к столу, господин Посредник.

Я смотрю на одну, самую яркую нить, которая остаётся висеть в воздухе между нами, и понимаю, что будь на моём месте любой другой персонаж, ему отказывать княгине Мещерской в гостеприимстве будет не только невежливо, но и опасно.

– Благодарю, княгиня, – отвечаю я. – Но сначала дело.

Она замирает на секунду. Потом кивает и поворачивается к двери.

– Как скажете. Пойдёмте в кабинет. Там никто не помешает.

Она ведёт меня по коридору мимо гостиной, мимо лестницы, в дальнее крыло. Открывает тяжёлую дубовую дверь. Внутри – небольшой кабинет: письменный стол, два кресла у камина, на стенах портреты предков. На столике у окна графин с тёмной жидкостью и два бокала.

Мещерская проходит к креслу, садится, поправляет платье, жестом приглашает меня напротив.

– Здесь нас не услышат. Говорите.

– Княгиня, – начинаю без прелюдий. – Вы сказали, что готовы говорить по делу. Я ищу базу. Надолго.

Она молчит, водит пальцем по подлокотнику.

– И сколько вас в итоге?

– Трое иномирцев, ещё двое людей из моей команды. С Петровым, Клавдией Петровной и со мной это восемь постояльцев.

– Это много, – говорит она спокойно. – Но не критично. Особняк большой, крыло можно отдать полностью. – Её голос ровный, нити – золотистые, деловые. – Я знаю, чем вы занимаетесь. Шереметев рассказывал. И вам наверняка понадобится финансирование – у меня есть средства. И наверняка ищите связи – у меня есть знакомые, которым новый император так же поперёк горла.

Ух, а княгиня шарит. И всё по делу. С такими приятно иметь дело. Логистика, финансы, связи. Если она не врёт, а она, судя по нитям, не врёт – это идеальный вариант. Стратегически выгодная локация для операций, подвал для иномирцев, и, что ещё важно, – княгиня не в жёсткой опале, её не проверяют каждый день.

– Принимаю, – отвечаю коротко. – Тогда слушайте мои условия. Моя команда живёт здесь по своим правилам. Вы не вмешиваетесь в операции, не проверяете наши комнаты, не задаёте лишних вопросов. Быт мы ведём сами – свои люди на кухне, свой учёт. Вы даёте финансирование на продукты, снаряжение и связь. И – когда понадобится – пользуетесь во имя нашего всеобщего благого будущего своими связями среди аристократов.

– О-о-о, мне нравятся такие, – она качает головой. – Которые знают, чего хотят. Это всё?

– Пока да. Теперь, что вы хотите взамен?

Она усмехается:

– Прямой вопрос. Тоже ценю. – Княгиня встаёт, подходит к окну, смотрит во двор. – Я хочу, чтобы меня не забыли, когда этот цирк закончится. Хочу сохранить положение, дом, состояние. И хочу, чтобы тот, кто придёт на смену, считался со мной по достоинству.

– У нас очень, очень похожая цель, – одобрительно отмечаю я. – Княгиня, после падения режима власть будет у временного правительства. Я буду иметь на него влияние.

– Достаточно, – отрезает она. – Я не прошу трона. Ну а сейчас я прошу защиты, если кто-то придёт за мной с ордером на арест.

Княгиня вдруг поднимается, обходит письменный стол и направляется к дивану. Присаживается и откидывается на подушки, располагается полулёжа. Одну ногу поджимает под себя, поправляет волосы, смотрит на меня загадочно.

– Есть ещё кое-что. А что, если я скажу, что хочу видеть вас за ужином? И не завтра, не через неделю. Сегодня. И вообще, господин Посредник, – её голос как сироп, – вы всё на стуле сидите. А здесь помягче. И поговорить удобнее. Идите ко мне.

Нити от неё тянутся уже не золотые, и даже не розовые – малиновые, густые, и концы их касаются моих рук, плеч, щёк.

– Княгиня, – отвечаю, – если я сейчас сяду на этот диван, наши переговоры рискуют затянуться до утра. А у меня тренировка через час.

Она чуть приподнимает бровь.

– И что?

– А то, – усмехаюсь я, – что мои люди – это мои люди, и они меня ждут меня, чтоб я был в форме.

– Значит, послезавтра, – она не настаивает, но и не отступает. – Я не тороплю.

– Хорошо, – киваю. – Послезавтра.

– Договорились, господин Посредник, – говорит она тихо. – Крыло в вашем распоряжении.

– Спасибо, княгиня.

– Елена, – поправляет она.

Княгиня смотрит на меня долго, потом откидывает голову на спинку дивана, прикрывает глаза и улыбается.

– Вы опасный человек, Артём.

– Я знаю.

Глава 5

Определяю себе комнату на втором этаже, крайнюю слева. Иномирцев размещаю в библиотеке – просторной, с высокими стеллажами и тремя диванами, на которых они растягиваются с явным облегчением.

Выхожу в коридор. Скорбенко стоит у окна, смотрит в сад, перекачивает в пальцах потухшую сигарету. Увидев меня, поднимает голову.

– Ну, Артём Андреич, – говорит негромко, – довёз я вас ещё раз. Теперь мне пора.

Смотрю на него, на трость, на автобус. Этот мужик, несмотря на свою хромоту, пока ни разу не подвёл. Когда я сказал, что надо подбросить монахов – согласился. Когда на складе увидел, кто под рясами на самом деле – панику не устроил. В Москву, куда я его позвал, возможно, с риском для его же шкуры, выехал без нытья. Вообще в целом не торгуется, не ноет, лишнего не спрашивает. Делает, что велят. С такой головой на плечах да со автобусом такой специфической наружности – это не водитель, это находка. Даже искать никого другого не хочется.

– Подожди, – останавливаю его. – Давай поговорим.

Он пожимает плечами.

– О чём говорить-то? Работа сделана, расчёт – на месте.

– Скорбенко, – беру его за плечо, поворачивая к себе, – скажи честно: у тебя там, в Воскресенске, дела хорошо идут?

Он молчит секунду, потом кривит губы.

– Да как идут Ритуальная служба, сам понимаешь. Клиент не торопится. А в последнее время и вовсе – он запинаясь, трёт щетину. – Народ боится. Режим этот, мать его, запугал всех так, что даже помирать бояться. Заказов, считай, нет ни хрена, автобус мой – единственный кормилец. Если он стоит на месте – я ноль.

– А семья? – спрашиваю. – Дети? Жена? Ждут тебя дома?

Скорбенко усмехается.

– Дети выросли. Разбежались. Сын в Питере, говорят, работает где-то на стройке, не звонит. Дочь замуж вышла, тоже уехала. А жена – он вздыхает, смотрит в пол. – Жена ушла. Калека, говорит, денег нет, обуза. – Он поправляет штанину на правой ноге. – И не запил, не гулял, работал, дом держал. А оказался не нужен.

– Значит, дома тебя никто не ждёт, – констатирую спокойно. – И с работой так себе.

– Так себе, – повторяет он.

Я делаю паузу.

– Скорбенко, а ты понимаешь, чем мы тут вообще занимаемся? Не просто «пособники иномирцев», как по телевизору говорят. Мы воюем с режимом. С императором, который не человек. И с теми, кто с ним.

Он поднимает голову, смотрит на меня.

– И тебе, небось, нужен водитель, – догадывается.

– Мне нужен человек с машиной, который не боится. Которому некуда спешить. Которому плевать на патрульных – даже если они смотрят в глаза. И который умеет молчать, когда надо. – Я не спешу, даю возможность осмыслить. – Автобус свой ты чинишь, я думаю, сам. И, что тоже важно, ты не из наших, не аномал, у тебя нет дара, к тебе не будут цепляться по поводу магии. Для патрулей ты просто водила, который везёт покойников или процессию.

Скорбенко молчит, всё перебирает сигарету в пальцах. Смотрит на свой автобус в окне.

– А если меня повяжут? – тихо спрашивает. – Вместе с вами.

– Не повяжут, – отвечаю уверенно. – Я таких раскладов не допускаю. А если что – своих не бросаю.

Он хмыкает.

– Своих Я с тобой всего вторые сутки.

– А кажется, что дольше, – усмехаюсь.

Он вздыхает глубоко, так, что плечи поднимаются.

– И что, жить я тут буду? В княжеских хоромах?

– Комнату я тебе уже присмотрел. – Киваю на дверь в конце коридора. – Не люкс, конечно, но кровать мягкая, вода горячая, между прочим, тоже есть. Не хуже, чем в гостинице, только без смены полотенец.

– И жрать дадут?

– Клавдия Петровна пироги печёт. Не пропадёшь. А работать будешь за деньги. Плюс бензин и ремонт я оплачиваю. Идёт?

Скорбенко молчит. Потом достаёт из кармана ключи, перекидывает с ладони на ладонь. Смотрит куда-то за моё плечо, будто там что-то важное. Потом засовывает ключи обратно и кивает.

– У тебя в багажнике ящик с инструментами, а на заднем сиденье – спальный мешок и дорожная сумка. Не на один рейс затарился. Значит, ты ещё до приезда знал, что можешь остаться.

Он качает головой.

– Проницательный ты, Артём Андреич Ладно. Уговорил. Остаюсь. – Но если ты меня обманешь – я сам на тебя в ментовку заявлю. Скажу, что ты маг-нелегал. А их сейчас знаешь как ищут?

– Не обману, – отвечаю. – И не брошу.

Веду его в комнату – маленькую, с одним окном, но уютную. Он ставит трость у кровати, осматривается. Пружины под матрасом скрипят, когда он садится на край.

– Да уж, хоромы, – бормочет. – Ладно, сойдёт.

Садится, снимает шапку, кладёт на тумбочку.

– Ну и денёк. Обычно, чтобы устроиться в княжеский гараж, рекомендации нужны. А я уже новую работу нашёл, не выходя из автобуса. Прямо удача какая-то.

Я усмехаюсь, хлопаю его по плечу и выхожу.

Петров в своём стиле – не у себя дома, а уже развернул учёт: сидит на кухне с экономкой княгини – сухощавой женщиной в сером платье. Они сверяют цены на гречку.

– у вас в прошлом месяце было на три рубля дешевле, – говорит Петров, вода пальцем по бумажке.

– Это было в прошлом месяце, – отрезает экономка. – Сейчас – почти что война, милостивый государь.

– Война? Где?

– Везде, где вы со своим начальником ни появляетесь.

Клавдия Петровна у плиты спорит с поваром – толстым, краснолицым, в белом колпаке.

– Месье, соль надо добавлять в конце, а не в начале! – возмущается он.

– А я говорю – в начале, чтобы пропиталось! – Клавдия Петровна стучит половником.

– Ты свой суп вари, а я – свой.

Повар фыркает, снимает колпак и уходит в кладовую, бормоча что-то про «эту варварскую кухню». Клавдия Петровна смотрит ему вслед, потом на меня:

– Артём, с ним будет трудно. Но я его переупрямлю.

– Я не сомневаюсь.

Краг пытается помочь горничной передвинуть шкаф. Горничная – девица лет двадцати, пухлая, в нитях некоторый испуг. Краг берётся за шкаф, дёргает, отрывает ножку. Шкаф наклоняется. Горничная визжит. Краг подхватывает шкаф одной рукой, другую протягивает ей.

Она смотрит на его базальтовое лицо, потом на оторванную ножку, потом на меня. Я пожимаю плечами:

– Поставьте на несколько книг. Временно.

Мещерская, незаметно наблюдавшая из дверного проёма, закрывает лицо ладонями и уходит обратно в гостиную.

К вечеру Скорбенко зовёт меня во двор.

– Тут княгиня попросила, – кивает он на пристройку. – Двадцать ящиков с вином. Надо переташить в погреб, пока морозы не ударили.

Смотрю на ящики, потом на крага, который тоже вышел следом. Тот молча берёт два под мышки и идёт к погребу.

– Соревнуемся? – спрашиваю, подхватывая первый ящик.

– Нет, – басит он. – Помогаю. Но можешь считать, что соревнуемся.

Я скидываю куртку и принимаюсь за работу. Чего не сделаешь для всяких гостеприимных княгинь. Краг делает вид, что не устаёт, но под конец замечаю, как в его нитях появляются ниточки усталости. Хотя сам он не подаёт виду.

Скорбенко курит в сторонке, комментирует:

– А ты, Артём, крепче, чем кажешься. Даром что маг.

– А то, – вытираю лоб рукавом. – Ручки-то – вот они.

Садимся на крыльцо, краг опускается рядом – так, что ступенька жалобно скрипит и проседает под его весом. Прямо как когда-то в нашем «Чёрном Воронке». Как, кстати, он там? Вряд ли хорошо. Но надо будет проведать местечко.

– Хорошо работал, человек, – говорит он, глядя в темноту.

– Ты тоже.

– Я всегда хорошо работаю. – он барабанит каменными пальцами по колену. – Твоя женщина, княгиня, она красивая. Глазами ест тебя. Я вижу.

– Она не моя женщина, – возражаю я.

– Как скажешь, – басит иномирец и, уходя, бросает: – Спать пора.

Ночью я почти не сплю. Мысли сегодня кружат, как мухи над банкой с вареньем: иномирцы на складе, иномирцы в библиотеке, где сейчас Гром, выдержат ли иномирцы в лесу, если их найдут. И главное – почему нас до сих пор не накрыли? Я, скорее всего, должен быть в розыске, а спокойно хожу по городу, торгуюсь на рынке, показываю ксивный паспорт. Проверяют, но как-то вяло. Ждут чего? Будто кто-то специально закрывает глаза. Или просто бардак в УНМА, а мы такие везучие? И ещё эта княгиня с её нитями, которые становятся розовыми, стоит ей только вдохнуть в мою сторону. А ещё я понятия не имею, что сейчас с Воронцовым, Новиковым, Ветровым. Живы ли, под арестом или уже в камерах. Где Лебедев-младший, который помогал, а потом исчез.

Решаю, что завтра же утром нужно вытрясти из Мещерской всё, что она знает о своих. Наверняка она в курсе. Потом позвоню Шереметеву. После встречу с Апраксиным, старым графом, который когда-то почти потерял дар.

С этим раскладом проваливаюсь в сон – тяжелый, без сновидений.

Просыпаюсь от того, что кто-то настойчиво стучит в дверь.

– Вставай, командир, – голос Ирины приглушённый, но бодрый. – Княгиня ждёт тебя за завтраком, говорит, есть разговор. Серьёзный.

Я умываюсь холодной водой, натягиваю чистую рубашку и спускаюсь в столовую.

Мещерская уже за столом, сидит с прямой спиной, как на приёме, хотя на ней домашнее платье тёмно-синего цвета, а волосы убраны в простой пучок. Перед ней – чашка кофе и раскрытая папка с бумагами. Нити её спокойные, золотистые.

– Присаживайтесь, господин Посредник, – кивает она на стул напротив. Клавдия Петровна тут же появляется с тарелкой – творожная запеканка, румяная, с изюмом и запахом ванили. Даже на чужой кухне она умудряется развернуться так, что местный повар-француз только вздыхает, а иногда и крутит пальцем у виска.

– Вы хотели поговорить? – спрашиваю прямо, берясь за вилку.

Мещерская пододвигает ко мне бумаги:

– Я о ваших и наших друзьях – тех, кто остался в столице после всего этого кошмара. – Она делает глоток кофе, не спуская с меня глаз. Неужели я во сне так громко разговаривал? Или же княгиня имеет тайный дар читать мысли. – Воронцов – под домашним арестом, сидит в своей усадьбе, выезд запрещён, охрана на воротах. Новиков – тоже под арестом, у себя на квартире, без связи, телефон отключён. Ветров – в тюрьме, официально за превышение полномочий, но по сути – за то, что помогал вам. Лебедев-младший – в бегах, говорят, ушёл на юг, конкретного адреса никто не знает, и мне даже мои источники не смогли сказать больше.

Я проглатываю запеканку. Дочку его, Катю, не уберегли, теперь и самого посадили

– А император? – спрашиваю, отодвигая тарелку. – Что с его экспертизой крови?

Мещерская усмехается, её нити вспыхивают оранжевым, почти красным.

– Объявили, что результаты «соответствуют династии». Как раз перед «Великим днём единства», чтобы успокоить аристократов и заткнуть рты недовольным. Никто не проверял, конечно. Кто ж проверит? Кому охота лишиться головы?

– Но вы не верите? – смотрю на неё в упор.

– А вы верите? – она не отводит взгляда, а в глазах – злость. – После всего, что я видела? После ваших рассказов? Нет, господин Посредник, я не верю.

Выхожу из столовой, возвращаюсь к себе. Нечего высиживать. Воронцов под арестом, Новиков отрезан, Ветров в тюрьме – ведущие рода сейчас не бойцы. Значит, двигать надо через тех, кто ещё на плаву. Шереметев, Апраксин, Корф – у них пока есть свобода рук и, главное, желание что-то менять. Они не любят новый режим, но в отличие от разгромленных гигантов, ещё могут шевелиться.

Нахожу в телефоне контакт Шереметева. Набираю номер. Длинные гудки, потом шелчок, и сонный, с хрипотцой голос:

– Аллю?

– Барон, доброе утро, – говорю я бодро, чтобы он сразу проснулся. – Это Артём Серпов. Помните меня?

– Артём? – голос в самом деле мгновенно становится бодрее. – Конечно, помню. Вы меня на том суде вытащили. Я тогда так и не понял, как вы это сделали с Еленой... Гениально. Но чувствую, что вы звоните не по тому поводу.

– Чутьё вас не обманывает, барон. Нужно встретиться и поговорить о деле.

Пауза такая долгая, что я уже думаю – отключился. Но он вздыхает, шуршит чем-то и наконец отвечает:

– Где и когда?

– У вас. Через час. Я приеду один.

– Хорошо. Охрана пропустит. Но без фокусов, Артём.

– Договорились.

Кладу трубку, одеваюсь. Скорбенко уже заводит автобус.

Особняк Шереметева я помню – переулочек за Кропоткинской, кованая калитка, фонтан во дворе, сейчас затянутый плёнкой. Охрана у ворот как будто даже узнаёт меня, пропускает без вопросов.

В кабинете всё так же пахнет дровами и дорогим виски – камин горит, хотя на часах только полдень, а виски, очевидно, пьётся прямо сейчас, хотя на тех же часах тот же полдень. Шереметев сидит за столом, пиджак расстёгнут, галстук ослаблен.

– Артём, – кивает он на кресло у камина, даже не вставая. – Садитесь. Что за срочность?

– Барон, я собираю коалицию. Тех, кто хочет свергнуть императора.

Он ставит бокал на стол, сцепляет пальцы.

– Это государственная измена, Артём. Вы это понимаете?

– Император – самозванец, – говорю спокойно. – Я видел, всё, что нужно было видеть – он даже не человек. Белов – такой же. Вы слышали про «Великий день единства. Я считаю, это шоу, чтобы немного расслабить народ. А после него начнут вычищать всех, кто не лоялен до конца. И почему бы им не прийти за вами?

Шереметев молчит долго, смотрит на портрет деда в мундире с орденами.

– Допустим, это так, – наконец выдавливают. – Что вы предлагаете?

– У вас наверняка найдётся пара-тройка домов – в Москве, или где-нибудь недалеко за пределами, тихих, незаметных, которые не пасут. Нам нужны убежища, базы, пункты, называйте как угодно, смысл ясен. И деньги – тысяч пятьсот. Очень желательно сейчас.

– А что я получу взамен? – его голос становится жёстче, нити переливаются оранжевым – жадность, смешанная с беспокойством как от моих запросов, так и за собственную шкуру.

– Место во временном правительстве после переворота. Ваш род – в новом совете. И, что у вас там с банковскими счетами, арестованы? Ваши счета разморозят, я лично прослежу, чтобы это сделали в первую очередь.

– Как вы это сделаете? – он недоверчиво косится на меня. – Опять ваша магия? Как в суде? Но тогда вы работали с живым человеком. А с бумажкой?

– За всякой бумажкой тоже стоит живой человек, – поясняю. – С которым можно встретиться. В общем, не ваша забота, барон. Вы получите результат.

Шереметев молчит долго, водит пальцем по столу и шумно дышит, даже сопит, как закипающий чайник.

– А если я откажусь? – тихо спрашивает он.

– Тогда счета останутся замороженными. И никто не станет их размораживать за вас, потому что договариваться я буду с теми, кто мне помогает. Ваш род останется в стороне – ни в новом совете, ни на плаву. – Я выдерживаю паузу, смотрю ему в глаза. – Выбирайте, барон.

Он вздыхает, лезет во внутренний карман пиджака и достаёт потрёпанную чековую книжку в кожаном переплёте. Раскрывает её дрожащими пальцами.

– Пятьсот тысяч – это почти всё, что я могу снять без отчёта, – бормочет он. – К этому празднику цены взлетели, как угорелые. Я ещё вчера заказывал продукты в усадьбу – в два раза дороже, чем месяц назад.

– Потому я и прошу сразу всю сумму. Платите один раз – и получите всё, что обещано. Я не собираюсь разорять вас, барон.

Он выписывает чек, протягивает мне. Я беру, не глядя.

– Дома подготовьте – они должны быть хотя бы пустыми, уж не говорю про «чистыми». Никаких слуг, никаких соседей.

– Хорошо, – он встаёт, жмёт мою руку – вяло, мокрой ладонью. – Надеюсь, я не пожалею.

– Не пожалее.

Он провожает меня до дверей кабинета, я выхожу, сажусь в автобус. Скорбенко заводит двигатель.

– Теперь ещё один звонок, – говорю. – Старому графу.

Достаю телефон, нахожу номер Апраксина. Набираю. Гудок. Ещё. Третий.

Щелчок – и вместо голоса графа механическая, безжизненная запись:

– *Номер абонента временно заблокирован по решению имперской службы безопасности.*

Для получения дополнительной информации обратитесь в ближайшее отделение УНМА.

Я замираю. Звоню ещё раз – тот же результат.

Скорбенко косится в зеркало:

– Чего?

– Ничего, – отвечаю, кладя трубку. – Поехали. Обрато в особняк. Похоже, отменяется. Апраксин вне игры.

Глава 6

Вдруг экран загорается снова – незнакомый номер, без кода региона.

– Да? – беру трубку.

– Артём? – узнаю сразу хриплый голос Апраксина. – Это граф. Вы мне звонили? Я, знаете ли, решил, что лучше перезвонить самому, пока вы там не надумали чего.

– Граф? Рад вас слышать. Мне только что сказали, что вы заблокированы по решению службы безопасности.

Апраксин усмехается:

– Заблокирован, это да. Они вообще любят мои номера блокировать. Уже третий за месяц, представляете? Тормозят связь, думая, что я без неё как без рук. Но я, знаете, старый партизан – у меня всегда пара симок про запас. Или вы уже подумали, что меня совсем уже замели?

– Честно, подумал именно это.

– Вот и зря, – он откашливается. – Меня замечать не за что. Никто из моих знакомых, слава богу, ещё попался с диссидентством, чтобы давать показания. А вы что хотели?

– Нужно встретиться и поговорить, граф. Есть одно дело, которое вас, возможно, заинтересует. Оно касается всех нас. И тех, кто сейчас наверху.

Пауза. Он дышит в трубку, потом снова кашляет.

– Хорошо, – он вздыхает, будто соглашается на что-то давно откладываемое. – Любопытство – единственная роскошь, которую я ещё себе позволяю. Остальное, в моём возрасте, терять уже не жалко. Где встречаемся?

– На Патриарших. Кафе «Булочная», рядом с аптекой. Тихое место.

– Знаю эту твою булочную. За углом от моей старой парикмахерской. Приду.

– Без десяти буду. Ждите в зале.

Кладу трубку. Апраксин, конечно, прибежняется. У таких старых аристократов всегда есть пара-тройка недовольных в ближнем кругу – иначе бы их давно съели.

– На Патриаршие. – говорю Скорбенко.

Он кивает, вдавливая газ:

– Кто на этот раз? Небось, какой-нибудь граф или князь?

– Граф, – отвечаю. – Апраксин. Старая гвардия.

– Слышал фамилию, – Скорбенко усмехается, переключая передачу. – Говорят, он свою магию из мусорной кучи собрал. Книги старые, артефакты, всё такое. Извините, если что не так сказал, но ваша братия – народ странный.

– Мы все странные, Скорбенко. Кто-то магию из мусора собирает, кто-то покойников катает, и то, и другое – не сахар.

Кафе «Булочная» на Патриарших – маленькое, с выцветшей вывеской, за которой скрывается крошечное помещение на три столика. Пахнет свежей выпечкой, кориандром и ещё какими-то пряностями. Играет тихая музыка, что-то джазовое.

Апраксин уже сидит в углу за дальним столиком, закутанный в старый шарф поверх пальто, даже в тепле не снимает. Ближе к камину, который здесь, скорее всего, декоративный, но по привычке – поближе к теплу. Нити его – тусклые, с ржавым отливом, кое-где скручены в узлы. Магия, восстановленная из обрывков, по старинным книгам, по крайней мере, так про него Воронцов рассказывал. И которая, якобы, до сих пор работает. Я помню эти нити ещё с первой встречи, тогда они точно так же мерцали, вызывая ощущение, что я смотрю на что-то давно мёртвое, но при этом живое.

Я опускаюсь на стул напротив. Официантка в переднике с ромашками приносит чайник и две фаянсовые чашки с трещинками на глазури.

– Граф, – говорю я, разливая чай. – Вы знаете, кто я и чем я занимался раньше. Надеюсь, помните, что князь Воронцов мне доверяет, а у него чутьё на людей, как на хорошее вино.

– Помню, – Апраксин берёт чашку, греет ладони, но не пьёт, только вдыхает пар. – Он сказал, что вы человек слова и что с вами можно иметь дело, даже если вы не из нашего круга. Для Воронцова это много значит – он вообще редко кого хвалит.

– Воронцов сейчас под арестом, – напоминаю я. – Новиков – тоже. Ветров – в тюрьме. А «Великий день единства» приближается. Боюсь, после него власть начнёт вычищать и тех, кто считает себя в безопасности. Может дойти и до тех, кто лоялен к его императорскому.

Он кривит губы.

– Я не дурак, Артём. Я понимаю, что весь этот праздник – ширма, за которой начнутся настоящие чистки.

Апраксин молчит, смотрит в чашку, будто надеется найти на дне подтверждение своим мрачным мыслям. Нити его чуть заметно напрягаются.

– Что вы хотите от меня? – наконец спрашивает он, поднимая глаза. – Я старый маг с даром на честном слове. Моя магия, как вы, наверное, могли слышать, держатся на соплях и старых книгах, которые в моей библиотеке пылятся лет тридцать. Что я могу для вас сделать?

– Я хочу, чтобы вы слушали, – отвечаю я. – Пусть ваши знакомые среди старых магических родов – те, кто ещё не продался Белову и не бегают с доносами в канцелярию, – прислушиваются и передают вам. Что говорят, кто чем недоволен, не собираются ли какие-то необычные отряды. И если заметите что-то конкретное – например, здание, которое внезапно начали охранять сильнее обычного, – дайте мне знать.

Апраксин ставит чашку на блюдце, сцепляет пальцы. Руки у него крупные, жилистые, с пигментными пятнами и шишковатыми натруженными суставами, но не дрожат, и в этом есть что-то от прежней, ушедшей силы.

– Вы знаете здание бывшего ПТУ на Ленинском проспекте? – спрашивает он с оживлением. – Года три как заброшенное.

– Проезжал пару раз, – говорю я. – Вроде выбитые окна помню.

– Вот именно, – он кивает. – А сейчас, представьте себе, там стали стоять три одинаковые «Газели» без опознавательных знаков. Ни эмблем, ни номеров – покрашено всё, что можно. Я несколько раз проходил мимо за эту неделю, у одной из машин на крыше что-то установлено – ящик с антенной или что-то вроде того. Мой сосед, который разбирается в технике, сказал, что это похоже на артефактный подавитель. Такие ставят на машины, чтобы глушить магию рядом.

– И что же там теперь?

– А никто не знает, – Апраксин разводит руками. – Мои знакомые, которые живут в соседнем доме, рассказывали, что видели, как из здания выходят мужики в форме. И ещё они говорили, что один раз, в позднее время изнутри доносилось что-то похожее на глухие удары – будто кто-то бился в стену. Но за это никак ручаться не могу.

Хм, да у графа в самом деле немало соседей и знакомых, целая готовая подпольная сеть. Однако ж, если там держат иномирцев, а в свете информации от Елены, охота на них только усиливается, то нечего им там сидеть, врагов империализма кормить. Значит, в ближайшее время разведка, и, если что, выручать.

– Понимаю, о чём вы подумали, – говорит он тихо. – Но не советую. Если там действительно кого-то прячут, то охрана не для вида. И подавители магии сделают вас беспомощным.

– Я не собираюсь лезть сломя голову, – отвечаю. – Я ж аккуратно, граф. Не в первый раз.

Мы допиваем чай молча. Расплачиваюсь, оставляю чаевые – официантка улыбается, и то приятно.

Выходим. Апраксин уходит первым, опираясь на трость, садится в такси. Потом подъезжает Скорбенко на «Ритуале».

– Назад, к Мещерской? – спрашивает он, закуривая.

– Сначала небольшая прогулка. К бывшему ПТУ на Ленинском. Тихо проедем, посмотрим.

Улица оказывается узкой, застроенной старыми двух- и трёхэтажными домами с облупившейся штукатуркой. То самое здание – бывшее ПТУ, судя по обломанной букве «У» над входом, – стоит чуть утопленным во двор, окружённое ржавым забором с колючей проволокой, которая кое-где провисла и лежит прямо на земле. Окна всех трёх этажей заколочены листами фанеры.

Вдоль здания действительно стоят три одинаковые белые «Газели» без номеров. У одной из них на крыше я замечаю массивный прямоугольный блок с антенной и тускло-сизым свечением. Возможно, тот самый подавитель магии, о котором говорил Апраксин. Сам я таких раньше не видел, так что не уверен.

– Приостановись, – говорю Скорбенко. – И пока не глуши.

Он послушно тормозит, и я изучаю обстановку. Изнутри здания, откуда-то с цокольного или подвального этажа, через щели в забитых окнах тянутся нити. Бледные, почти бесцветные, с редкими вкраплениями жёлтого и красного. Дела у тамошних постояльцев паршивые. И они бы с радостью поменяли этот подвал на что угодно,

И их там несколько человек. Или иномирцев.

– Вижу, – тихо говорю я, скорее себе, чем Скорбенко. – Вижу.

– Что там? – тем не менее переспрашивает он.

– Предположу, что иномирцы, хотя с таким же успехом могут быть и аномалы, и если это они, то сидят под подавителями.

– И что думаешь?

– Приедем ночью, – решаю я. – С нашими.

– Если подавители, то рискованно, – замечает Скорбенко, покусывая сигарету, но не зажигая. – Подавители твою магию сожрут.

– На то и краг, чтобы двери ломать, а сильвер – чтобы камеры слепить. Моя магия может и не понадобится, если всё сделать быстро и тихо.

До особняка Мещерской добираемся без приключений. В дом сразу не иду, решаю переключиться на свежем воздухе, прежде чем нырять в нашу неизменно шумную бытовуху. Неужто старею?

По территории обхожу здание сбоку и на заднем дворе натываюсь на что-то вроде корта – площадку, обнесённую высокой сеткой. Да, теннисный корт, мать его, только разметка выцвела от времени. В углу, прислонённый к ограде, стоит старый теннисный автомат, краска облезла, но колёсики на месте.

Подхожу ближе, на боку – кнопка включения и ручка регулировки скорости. Рядом – корзина с мячами, прикрытая плёнкой, чтобы не намокали.

– Хозяйничаешь? – слышу сзади.

Оборачиваюсь, на дорожке стоит Скорбенко, опирается на трость, курит.

– Ага, – отвечаю. – Решил размяться.

– Давай, давай, – он кивает, отходит к скамейке под деревом, садится. – А я посмотрю.

Скидываю куртку, остаюсь в футболке. Выкатываю автомат на позицию, сам выхожу на середину. Разминаю плечи, запястья. Наш водитель автобуса вряд ли с его ногой будет достойным соперником, но зато я могу потренировать свой Дар в спортивных условиях, а он мне поможет.

– Скорбенко, ты за пульт. Жми на зеленую. И не жалея.

Он выбрасывает окурок, потирает ладони с азартом записного садиста, встает за автомат.

«Сфера», мой купол, он же барьер. Нити на мяч не повесишь, договор с ним не заключишь. Только барьер. Зато он будет отточен так, что любой вражеский файербол об него зубы обломает. Или теннисный мяч. Какая разница.

Первый вылетает резко, в смысле, резче, чем я думал.

«Сфера» встает за мгновение до удара. Мяч шлепается в полупрозрачную стену, отскакивает в кусты.

– Раз-ноль, – комментирует Скорбенко.

Таким же макаром второй, третий, четвертый – автомат разгоняется. Я просто поднимаю барьер чуть ли ни на одной интуиции. Куда там «магия высокого полета». Только реакция. Скучно до зубного скрежета.

– Может, скорость прибавить? – кричу.

– А выдержишь?

– Погнали.

Скорбенко крутит ручку. Пятый мяч вылетает с противным свистом. Я едва успеваю выставить «Сферу» – барьер встает криво, но мяч все равно отбивает в сторону беседки. Шестой – чисто. Седьмой – я дергаюсь корпусом, но «Сфера» уже на месте, успел.

Восьмой. Девятый. Десятый.

Пот градом, руки дрожат, но эфир слушается ровно. В какой-то момент я вообще перестаю думать – просто ставлю стену за стеной. Это даже приятно. Как медитация. Только с риском получить резиновым снарядом в глаз.

Пробую комбинировать – барьер, шаг вперед, барьер, прыжок в сторону. Двадцатый мяч вообще отбиваю с закрытыми глазами. Скорбенко присвистывает.

– Артист, – бормочет он.

– Тренируюсь на случай, если враги будут кидаться теннисными мячами. Тактика.

Двадцать пятый. Я уже вхожу в ритм – ставлю барьер не ровно перед собой, а под углом, чтобы мяч рикошетил в нужную мне сторону. Получается через раз, но чертовски красиво.

Скорбенко вдруг выкручивает скорость на максимум.

Автомат жужжит, разгоняет колёсики до воя. Мячи сыплются очередью, и я точно так же: «Сфера» – щит, «Сфера» – стена, «Сфера» – купол. Три мяча отбито. Четвёртый уже у моей руки, я доворачиваюсь, барьер отбивает его в сантиметре от ребер.

– Шевелись, постоялец! – орет Скорбенко.

Следующие три мяча я отбиваю серией – каждому своя маленькая «Сфера», как будто раздаю пощечины. Глупо, энергозатратно, но весело.

Двадцать девятый – пропускаю. Мяч бьет меня в плечо. Не больно, обидно.

Скорбенко ржет.

– Тридцатый погнал! – он нажимает кнопку.

И тут я теряю концентрацию. На секунду отвлекаюсь на скрип окна, и мяч проскальзывает под нижним краем «Сферы». Мгновенно убираю ее, ставлю другую между собой и мячом, и, видимо, всё же успеваю, потому что мяч отлетает в сторону особняка.

Удар. Глухой такой стук.

Это должно было быть звоном стекла, но окно пластиковое, спасибо современным технологиям. Через секунду окно второго этажа распаивается. На подоконнике – Мещерская. Бигуди, полотенце через плечо, глаза горят, как у разъяренной рыси.

– Вы мне люстру разобьёте! – орёт она так, что птицы с деревьев срываются. – Это французское стекло! Восемнадцатый век! Моя бабушка его из Парижа везла!

– Княгиня, – отвечаю мирно. – Мяч увлёкся, я с ним побеседую!

– Не княгиня, а Елена! – кричит она и с грохотом захлопывает окно. Шторы дёргаются следом.

Скорбенко хмыкает, достаёт сигарету:

– Кажется, ты ей нравишься, раз она так орёт.

Да уж не говори.

– Ладно, хватит. – Скорбенко кидает полотенце. – А то княгиня и правда без окон останется. И без люстры.

Вечером собираемся на ужин в большой столовой. Мещерская не спускается, передала через горничную, мол, «голова болит, извините». Но я вижу кончики её нитей вокруг нас – она из своей комнаты прислушивается к каждому звуку.

Повар-француз – толстый мужчина с красным лицом и в белом колпаке, сегодня выставил на стол свой вариант оливье в хрустальной салатнице. Клавдия Петровна стоит рядом, поджав губы и скрестив руки на груди.

– Пробуйте, мадам, – говорит француз, протягивая ей ложку с видом фокусника, который сейчас вытащит кролика из шляпы.

Клавдия Петровна пробует, жуёт долго, очень долго, задумчиво глядя в стену. Потом ставит ложку на стол и неторопливо говорит:

– Неплохо. Но горошек у меня мягче, и картошку я режу кубиками поменьше.

– Это принципиально? – француз обиженно надует щёки.

– Для оливье – да. Это не просто салат, месье, это символ. Как Эйфелева башня для Парижа.

– Мадам, я учился в Лионе, у самого Бернара Лоиза! У меня диплом, который весит полкилограмма!

– А я училась у моей бабушки в Калуге, у неё диплома не было, – Клавдия Петровна поправляет передник, – но она кормила весь уезд, включая местного губернатора. И тот всегда просил добавки.

Француз вздыхает, снимает колпак и уходит на кухню, бормоча что-то про «этих русских, которые не ценят высокую кухню».

Петров раскладывает на столе бумажки – учёт, его любимое занятие. Клавиши калькулятора громко щёлкают.

– Три тысячи пятьсот, – бубнит он. – С учётом скидки за опт. Клавдия, ты хлеб сама пекла или магазинный?

– Сама, конечно, – отзывается она. – На закваске, с тмином.

– Значит, за наши. Две сотни за муку, двадцать за яйца. А мясо? Мясо чьё?

– Княгинино.

– Тогда без вопросов, – Петров записывает что-то в блокнот. – Итого – три тысячи семьсот двадцать.

После трапезы нахожу Ирину – она отдыхает на мягком пуфике, закрыла глаза, откинула голову. И вроде на выезды ни на какие с ней не выезжали сегодня, а выглядит уставшей – впрочем, эхо от мыслей она слышит всегда и везде, а это ж постоянный шум, гул, гвалт.

Сажусь рядом.

– Устала? – спрашиваю негромко.

– Не то слово, – она открывает глаза. – Я её мысли слышу, командир. Даже когда не хочу.

– Мещерской?

– А чьи же ещё? – Ирина поворачивается ко мне, и её лицо розовеет. – Она думает о тебе. Очень много. Очень горячо.

– Это плохо?

– Это странно. – Она отворачивается, поправляет волосы. – Не спрашивай подробностей, ладно?

Я не спрашиваю. Я и так вижу нити – они вьются по всему дому, как плющ, розовые, густые, цепкие.

Перед сном выхожу ещё раз в сад. Свежо, небо чистое, звёзды видны даже сквозь московскую подсветку.

Телефон в кармане вибрирует.

Смотрю на экран – неизвестный номер. Хотя, уже догадываюсь, кто это.

– Слушаю.

– Артём? – Голос Лены. Тихий, но отчётливый.

– Лена! Ты как?

– Нормально. Я на секунду. – Она переводит дыхание. – В Питере арестовали троих. – Я слышу, как она цедит это сквозь зубы. – Просто за то, что пользовались нашими услугами. Услугами «Кодекса», прикинь? Не за иномирцев, не за магию. За контакты с нами.

Я молчу. Трубка как будто нагревается в пальцах.

– А сама ты? – спрашиваю негромко. – Не подставилась?

– Пока держусь. За это время уже сменила три симки.

– Не сомневался в тебе! Ты – молодец.

– Ты сам где теперь?

– Я в Москве. У одной княгини. Петров с Клавдией Петровной здесь. И водитель свой, надёжный.

– Хорошо, – выдыхает она. – Это радостно слышать. Но про других нет вестей, извини. Как я понимаю, у тебя тоже?

– Нет вестей. – Я тру переносицу. – Лена, ты там будь осторожнее. Не бери трубки с незнакомых номеров. По возможности, чаще выходи на связь, в любое время. Но не пались.

– Поняла, командир. Ты тоже береги себя. И передай Ирине привет. Скажи, что её лента у меня почти готова. Та, о которой она просила. Пусть не дёргается.

Короткий щелчок – отбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.